

Владимир Муляров

ГАФУР. РОМАН.
КНИГА 2
фантастика

Владимир Муляров

**Гафур. Роман.
Книга 2. Фантастика**

«Издательские решения»

Муляров В.

Гафур. Роман. Книга 2. Фантастика / В. Муляров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960652-5

Данная книга является попыткой осмысления автором истории
благоразумного разбойника. И является продолжением этой истории,
начатой в первой книге. Данный текст нельзя рассматривать в качестве
богословского исследования. Но исключительно как художественную
литературу, изложенную средствами научной фантастики.

ISBN 978-5-44-960652-5

© Муляров В.
© Издательские решения

Содержание

«Гафур». Книга Вторая	6
Предисловие к книге	6
Часть 1. Возвращение Савелии	8
Пролог. «День друзей»	9
Глава 1. Новые проблемы	14
Глава 2. О Времени, генетике и не только	19
Глава 3. Ночь в Ницце	27
Глава 4. Алессандро	34
Глава 5. Лис и другие	42
Часть 2. Путешественник	51
Глава 1. Duo sunt sine nomine, или, двое безымянных	51
Глава 2. Хроники Ялты-86. 7 января	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Гафур. Роман. Книга 2 Фантастика

Владимир Муляров

Редактор Яна Владимировна Павловская

© Владимир Муляров, 2018

ISBN 978-5-4496-0652-5 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-0551-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Гафур». Книга Вторая

Предисловие к книге

«Итак, сразу же о главном! Я, герцогиня Савелия Нижнемирская, супруга и ассаи крон-принца Деспила – второго наследника престола Цитадели и бывший полевой агент Оффтайма – организации, назиршей за неприкосновенностью Истории Земли, – пишу это воспоминание на тот случай, если наша звезда, красный свергигант Арратасхатх, рванет и превратится в сверхновую, унеся в небытие весь наш мир вместе с доброй четвертью галактики. Я оставляю эту запись в совершенно иной вселенной, (точнее в седьмом октанте Большой Вселенной), в той, в которой я родилась изначально и где была известна под именем Севастиана. Это – моя страховка как Хранителя Исконного. Ибо вселенная с сигнатурой интервала (– +) является инверсионной относительно метрики моей родной вселенной. И в силу этого имеет минимальное физическое взаимодействие с тем местом, где я надеюсь сохранить всю информацию в неприкосновенности.

История Галактики Раттансхарат (Нижние Миры), в которой находится Цитадель, этот удивительный и древний мир, не должна исчезнуть вместе с Арратасхатхом, если последний преобразуется в Сверхновую! Все мои записи и отчеты агента, а так же досье Теодора, которое он доверил мне сохранить любой ценой, я оставляю на потухшей звезде (это давно остывший белый карлик), в месте, которое из-за чудовищной гравитации не может быть доступно никому, кто не обладает технологией перемещения в пространстве и времени посредством Больших Нулей и не обладает технологиями производства Ортовремени. Только достигшие таких высот развития цивилизации достойны владеть той сокровенной информацией, которую мне доверили хранить и которая позволяет тому, кто ей владеет, создать вселенную с нуля. Разумеется, мы в Нижних Мирах попытаемся эвакуировать Цитадель и те населенные миры, которые известны в нашем Октанте в пределах местной галактической группы. Естественно и то, что мы попытаемся предотвратить перерождение Схаттхи в сверхновую теми средствами, которые на данный момент нам известны. Однако, всякое может произойти. Поэтому я и оставляю всю информацию, имеющуюся у меня на сей день, в единственном месте, где она гарантированно останется сохранной весьма и весьма долго. Если не вечно! Сейчас об этом знают лишь трое, включая меня. Много копий было сломано и много жизней принесено в жертву ради обладания этим знанием. Да и моя жизнь висит на волоске постоянно уже второй миллион лет. Как я уже сказала, это моя страховка. На тот случай, если те, кто охотится за мной, преуспеют. И есть еще некто кроме меня, обладающий знаниями такого же масштаба. Такими, с помощью которых можно порождать новые вселенные. Его имя должно оставаться неизвестным никому по той же причине, по которой я прячу эти знания в недоступном для воров месте. А его местоположение в Большой Вселенной вообще отследить невозможно по целому ряду причин, о которых я умолчу.

Галактические координаты моего схрона:

Октант (+ –),

галактика Млечный Путь,

Фундаментальная эпоха J2000,

галактическая широта $A = 75,66543898$,

галактическая долгота $B = 24, 88744565$ градусов,

удаление от Ядра галактики $R = 9821,3345945$ пк (парсек),

вектор движения тела $v = 244, 230075$ km/sec в направлении Плеяд. Если не готовы, лучше туда не суйтесь!

Данный документ за моей подписью передаю на вечное хранение в секретариат Оффтайма, куда по закону может обратиться любой житель любого из существующих восьми Октантов Большой Вселенной.

Герцогиня Савелия Нижнемирская.

Число. Подпись. Личная печать.

Нотариально заверено. Нотариус и секретарь Канцелярии Его Величества Владыки Нижнемирского, лорд Праус.

Подпись. Печать Канцелярии.

Руководитель Канцелярии Оффтайм, проводник высшей квалификации, далин Владислав Безродных.

Число. Подпись. Печать Оффтайм.»

Часть 1. Возвращение Савелии

«Неординарный человек, как любая нестандартная вещь, – везде не по размеру, что, в конце концов, утомляет окружающих.» (Александр Казимиров. «Звуковое ружьё»)

Пролог. «День друзей»

– А знаешь, я понял! – Сказал вдруг Маленький Лисёнок. И даже остановился, держа за руку Веселого Белку. Был День Друзей, и Белка забрал его погулять в парке. Шел март, и на аллеях парка под только что стаявшим снегом обнажилась прошлогодняя грязь. Но настроение у всех все равно было весеннее и радостное. Как и бывает обычно в марте, в предвкушении тепла и лета...

– Что? Что ты понял? – Спросил Веселый Белка Лисёнка.

– То что Добро и Зло... они не противоположны друг другу! – Сказал Лисёнок. И вид у него при этом был самый что ни на есть задумчивый.

– Да? И почему же это? – Спросил его Белка.

– Потому что они живут вместе. В тебе и во мне... В каждом. Мне Елизавета Петровна сказала. Хозяйка. И сам я иногда чувствую ... —

– Когда-то давно, – ответил Белка Лисенку, – моя дочь в соавторстве с кем-то сочинила такую теорию, в которой у вещей отсутствовали их противоположности. —

– У тебя была дочь?! – Удивился Маленький Лисёнок. —

– Хм! – Белка повел своей косматой бровью. – Да она и сейчас есть. Так вот. Эта теория называлась Немодальная Необращаемая Логика. И случилось это полторы Петли назад! —

– Ой! – Сказал испуганный Лисёнок и зажмурил глаза.

– Не бойся! – Сказал ему его друг и погладил Лисёнка по голове. – Слова не страшны! Страшны только их последствия. Или же велики! Как получится... Да и Петля тоже не страшна. Петляешь себе и петляешь... Так вот ... – И тут Веселый стал рассказывать Лисёнку легенду о том, как его дочь заморочила голову одному очень страшному человеку. И пока они шли неторопясь через весь парк и потом обратно, Лисенок завороченно слушал рассказы Веселого Белки о том, что было полторы Петли назад. И это было так интересно! Конечно, Легенды Былого Лисёнку итак были известны. Потому что они известны решительно всем, будучи историей мира, пересказанной людьми устно и письменно тысячи и тысячи раз. Но Лисенок все равно спросил.

– Расскажи мне, Веселый, как образовалась Петля? —

– Как образовалась? ... – Начал Белка свой рассказ. – Да так же, как и все петли образуются! Видишь ли, в Прошлом можно возвращаться и даже там жить заново. И при этом в Будущем ничего не изменится если только ... —

– Если что? —

– Если только те изменения, которые неизбежно появятся от твоего присутствия в Прошлом, ... если они никак не затрагивают Главных Событий, которые лежат в основе мира. Такие события, словно сваи, на которых построен наш микрорайон. На них держится История! —

– А ... —

– Вот смотри, – сказал Белка Лисенку и взял в руку свой трехцветный Патриотический Галстук, который носил только в особо значимые дни. Например, как сейчас, в День Друзей. – Вот смотри. Тут три цвета: красный, желтый и зеленый. Как на светофоре. И они заплетены косичкой. Как девочки косы заплетают. И как на нашем Флаге. Видишь? —

Лисёнок с интересом уставился на Белкин галстук. Похоже, он раньше не знал, что цвета на Флаге и на Патриотических Галстуках расположены именно так, как заплетаются у девочек косички. Наконец, исследование цветов у Белки на галстук дало результат, и Лисёнок сказал.

– И причем здесь Петля? —

– Красный цвет символизирует Прошлое. И туда проход закрыт. – Сказал Белка. – Для всех. И поэтому Прошлое – это именно Красный цвет. Желтый цвет – это Настоящее. И по смыслу это означает «Будь готов к любым гадостям!» А Зеленый ... —

– Будущее! – Выкрикнул Лисёнок. – И поэтому все туда едут и... и идут тоже. —

– Именно так! – Сказал Белка. – Но не совсем. Потому что Настоящее – это не какая-то отдельная вещь. Настоящее содержит в себе как Прошлое так и Будущее. Оно состоит из них обоих. Оно как бы является пересечением Будущего с Прошлым. И если соединить красный цвет прошлого с зеленым цветом будущего, и сильно разбавить белым цветом, то и получится как раз желтый, который символизирует настоящее. И я тебе больше скажу. – Тут Белка остановился, как бы размышляя о чем-то и сказал. – Если Прошлое никак не пересекается с Будущим, то и Настоящего не может быть. В реальности Время таково, что в Настоящем и Прошлом, и Будущее могут как бы заскакивать друг за друга. Как бы меняться местами. И на самом деле это совершенно необходимо для того, чтобы осуществить перенос информации и от Прошлого к Будущему и наоборот, от Будущего к Прошломu. Для связи между всеми частями материи. И все эти переплетения и перескоки времен друг за друга отражены на наших Патриотических Галстуках. Поскольку всего существует шесть комбинаций взаимного расположения цветов. И из них светофорное расположение является основным. Когда все правильно и никакие времена не заскакивают друг за друга! ... На самом деле обычный светофор, который ты видишь на любом перекрестке, это и есть модель течения Времени. Вполне, кстати, рабочая модель! —

– Но на светофоре, – сказал Лисёнок Белке, – после того как зажжется Зеленый и все пройдут, потом опять загорается Красный свет! —

– Да. – Сказал ему Белка. – Это и есть Петля! И даже в этом обычный светофор является моделью Петли, в которой мы все находимся и из которой не можем никак выбраться. —

– Но как ... – Начал-было Лисёнок, но Белка опять его прервал.

– Да! Как образовалась наша Петля? ... Легенда такова... А впрочем, я... Я, нет. Не буду тебе общеизвестные легенды рассказывать. В них нет и половины правды. Ты... Я не хочу тебе врать. Есть вещи, которые нельзя говорить вслух, не навлекая на себя большую беду! Вот что. И поэтому скажу... расскажу одну очень красивую историю. Она тоже не является правдой о том, как образовалась наша Петля, но то, что я расскажу на самом деле было, и поэтому ... – Тут Белка на секунду задумался, вынув из кармана своих огромных штанов старенькую, замусоленную курительную трубку и, воткнув ее себе в рот, продолжал. – В общем, жили-были два человека: девушка Савелия и юноша Деспил. И этих подлинных их имен не сохранила ни одна легенда. Они есть только тут. – Белка усердно постучал пальцем себе между ушей. – Они принадлежали разным мирам и разным расам разумных существ. Савелия была человеком, но при этом от рождения обладала очень сильно развитыми сверхчувственными качествами, которые присущи только расам темных миров. А Деспил, напротив, был из расы... в общем из другой совсем расы. И у него в природе такие вещи как магия и полное управление материей были в порядке вещей. И потом получилось так, что они полюбили друг друга. Ну, это как раз во всех легендах есть! Да. Так вот. Они прожили очень долгую и такую же счастливую и... трудную жизнь, полную испытаний и приключений. И они дали друг другу слово, что тот из них, кто похоронит другого, потом вернется в прошлое для того, чтобы проживая жизнь со своим любимым еще раз, уже он похоронил тебя. Такая вот красивая модель истории Ромео и Джульетты. Или же истории Арвен и этого... как его? ... —

– Арагорна! – Подсказал Белке Лисёнок. Он очень хорошо знал эти фильмы.

– Да его самого. Так вот. Когда это произошло и Савелия отправилась в Прошлое, чтобы прожить с Деспилом снова, чтобы уже он похоронил ее, это у нее вполне получилось. Ибо она практически всю свою жизнь состояла на службе в некой организации, называющей за Историей Земли. Ну вот. Этот момент, момент ее возвращения после похорон своего единственного и любимого мужа, после горя и трудностей, связанных с погребением любимого и помин-

кам по нему, после того, как она выплакала все свои слезы, после этого всего она вернулась к нему же в Прошлом, живому, молодому и здоровому. И это высвободило из ее внутреннего естества такой огромный сгусток положительной эмпатической энергии, что ... —

— Что? —

— ... что мир раскололся. Точнее, от мира откололся огромный кусок материи. В собственном пространстве и в собственном Времени, которое тут же закольцевалось. Ибо ни Время, ни Пространство не могут быть разорванными долго. Это событие — я говорю о встрече в Прошлом Савелии со своим супругом, который для нее стал снова живым, это событие стало Кардиналью нашего мира. Его главным событием. Настолько мощным, что все остальные события, словно щепки в мощном водовороте не могут вырваться наружу и вращаются вокруг этого, главного! И я тебе вот что еще скажу ... —

— Что? — Шепотом спросил Белку замороженный этим рассказом Лисёнок.

— Только истинная Любовь. Любовь с самой заглавной буквы «Л», способна на такие вещи как Раскол Вселенной. Вот, что я скажу! —

Белка плотнее прижал к себе Маленького Лисёнка и добавил.

— И не спрашивай меня откуда я все это знаю! —

А Лисёнок прошептал.

— Ладно! —

Время незаметно шло, и наконец, они вернулись в исходную точку. В то место, откуда вышли погулять. Их коротенькая встреча в этот День Друзей подходила к концу, и Белке пора было возвращать своего друга его Хозяйке, Елизавете Петровне.

Лисенок грустил. Он не хотел расставаться с Веселым.

— Если бы ты только знал, Веселый ... — сказал Лисёнок Белке.

— Что? —

— Как я тебя люблю. И Хозяйку. И всех-всех! И это... Это так очень грустно так! И я все время поэтому грущу и плачу! А Хозяйка думает, что я голоден, или заболел ... —

— Почему же ты плачешь? — Спросил его Белка.

— Потому что я... я не могу вместить в себя вас. Вы все время где-то. А моя любовь она хочет иметь вас всегда вместе с собой, у меня в груди! Мне хорошо только когда вы рядом. Потому что ... —

Белка помолчал и сказал.

— Потому что ты — собака! Это все очень просто. —

— Что просто? — Спросил Лисенок.

— Любить. Любить просто. Того, кто любит тебя. И всех остальных, кто не причиняет тебе вреда. Но это... неполноценная любовь! Ты... ты можешь достичь совершенства лишь тогда, когда ... —

— Когда? —

— Когда полюбишь ... —

— ... полюбишь ... —

— ... Минотавра. —

— Мин... Разве такое возможно? — Спросил Лисенок и от страха прижался к Веселому Белке. Он знал, что Белка совсем недавно видел следы Минотавра в талом снегу детской песочницы. Прямо в том дворе, где жил Лисёнок!

— Говорят, что возможно. — Сказал Белка. — Говорят что такое уже бывало. И не раз. И еще говорят, что Минотавра нельзя победить силой оружия. Потому что он всякий раз воскресает снова. И это на самом деле так. Я видел сам, когда мы с Тессеем ходили за Минотавром в его первое жилище. Тессей его там заколол Паразониумом. —

— Пара... Чем? —

– Мечь такой. Паразониум. Короткий. Наподобие «Жала» из фильмов про Бильбо Беггинса! —

– А! – Сказал Лисёнок, понимая кивнув головой. – А он тоже светится? —

– О, да! – Сказал Белка. И для пущей важности кивнул головой так сильно, что его длинные уши заплелись друг за друга. – Особенно он светится, когда на него намотать тряпок, обмакнуть в оливковое масло и поджечь! – Сказал Белка, распутывая уши свободной рукой.

– Но как же тогда им сражаться? – Спросил Лисёнок.

– А так. – Ответил ему Веселый. – Подходишь и стряхиваешь на своего врага со своего Паразониума горящую, масляную тряпку. Прямо ему в морду! —

– И он горит? —

– Да, нет! Он орет. И пытается потушить свою шерсть. А ты в это время его мечем, мечем! ... А после... уже в Элладе, на похоронах Эгея, мы с ним столкнулись снова. —

– С Минотавром? —

– Ну да. С кем же еще? И все это повторяется раз за разом. Бесконечно. Хоть жги его, хоть режь! И... Только еще злее становится! —

Тут они присели на скамеечку, освещенную еще не знойным, но уже таким радостным мартовским солнцем. И Белка стал набивать табаком свою старую-престарую курительную трубку. Причем, скамеечку, то ее место, куда сел Лисёнок, Белка предварительно протер своим собственным хвостом.

– Зачем ты куришь? – Спросил Лисёнок своего друга.

– Я не курю. – Ответил ему Белка. – У меня с собой даже спичек нет. Нам, Дамасним Петомцам спички не положены. Да и курить мы не имеем права! —

– А зачем тогда ... —

– В память. – Сказал ему Белка, предвосхищая вопрос Лисёнка. – В память о дочери. Просто чтобы не забыть. Мы... живем в настолько отдаленных мирах... и уже так давно... что забыть можно решительно все! —

– Даже близких? —

– Да. – Сказал Белка и стал потягивать ртом воздух через трубку. – Мы даже Книгу позабыли ... —

– Книгу? – Переспросил его Лисёнок.

– Книгу. – Подтвердил Белка. – Ту, в которой рассказывается о том, как именно можно полюбить Минотавра и таким образом одержать над ним победу! Такая, толстая Книга. С Крестом на обложке ... —

– И мы теперь не знаем? —

– Не знаем. – Сказал Белка.

– И что нам теперь делать? – Спросил его Лисёнок.

– Что делать? Да то же, что и всегда! Жить... Ждать ... —

– Ждать чего? —

– Ждать когда снова Мальчик придет! – Сказал Веселый и снова потянул воздух через трубку. – Тот, который всех выручает из беды. Тот, с которым я когда-то был знаком. —

Веселый вздохнул и стал смотреть куда-то вдаль.

Они сидели и молчали. А солнце, пробиваясь сквозь еще голые ветки деревьев, осветило лицо Веселого Белки так, что освещенным оказался только его правый глаз. И от этого его левый глаз выглядел темным. Как будто его украсили синяком.

– Зачем ты пьешь? – Снова спросил Белку Лисёнок.

– Не пью. Уже. – Ответил ему Белка, пытаясь стряхнуть рукой тень из-под своего левого глаза. – Все, приятель, пора домой! —

– Уже? —

– Уже! —

– Пока, Веселый! – Сказал Лисенок. И по его виду было понятно, что он недоволен тем, что ежегодный День Друзей уже подошел к концу. Темнело, и до подъезда нужно было еще добежать. Но Лисенку так было неохота расставаться с Белкой! И поэтому он, желая потянуть время, сказал.

– Обнимашки? —

– Конечно, обнимашки! – Проворчал Белка. И заключил Маленького Лисенка в свои могучие объятия...

– Все повторяется! – еле слышно сказал Белка самому себе, не вынимая трубки изо рта, – Все повторяется! И когда-то, давным-давно я уже видел все это! Проклятая Петля... И я хотел бы... Я ... —

Глава 1. Новые проблемы

«Если обнаружил себя в яме, первым делом перестань копать!» (Уоррен Баффет).

Итак, вместо того, чтобы оставить меня в стодевятнадцатом столетии в вечной ссылке, умирать на выжженной планете, вместо этого меня определили на отдых в одноместный номер класса «люкс» после грандиозной работы и не менее грандиозной попойки в два миллиона-каком-то году от Рождества Христова. На восстановленной и возрожденной планете. В заново отстроенном Колизее, в Новом Риме. В гораздо более помпезном и более надменном, нежели Рим Древний! Потому что каков поп, таков и приход. В случае же Рима все определяется тем, каков в этом Риме Цезарь! А Цезарь у нас дивный! Потому что он совмещает единоличную светскую власть над целой планетой с патриаршеством в той религии, в которой он же объявил себя богом! Но этого, как мне стало известно пару часов назад, ему мало. Он мечтал вернуться в прошлое. Туда, откуда, или лучше сказать «из когда», его выжали в Будущее ООНовцы. И там подчинить себе все и вся. Я это поняла из его реплик на званом ужине. Думаю, поняла это не только я. Впрочем, Тео особенно и не скрывает... Вот так. Звучит как бред? Так ведь в жизни обычно все так и есть! (И где мой смайлик с гадостной улыбочкой?)

Сказать, что я сейчас устала – это ничего не сказать! Посудите сами. Сперва я убегаю из Конторы в самоволку, в Сидней конца двадцатого века, чтобы хорошенько посидеть в одном хорошо знакомом мне баре, и это мне удастся. О, да! Еще как удастся! Всего четверо суток назад по моему внутреннему времени. Затем меня и еще кучу нарушителей Договора о Запретных Периодах Истории, ... так называемого Консенсуса, ... нас арестовывают и депортируют в сто девятнадцать ноль ноль, на берег Первобытного Океана, кишашего хищными тварями. Без еды и воды. И там я в течении двух суток благодаря титаническим усилиям моей печени избавляюсь от похмелья, а заодно (к моему удовольствию!) и от десяти килограммов лишнего веса. Потому что температура там плюс пятьдесят! Затем на нас нападают подосланные Теодором бандиты, которых я отправляю один за одним прямиком в Океан на съедение хищникам. И не подумайте, что это было очень легко! Затем, когда вся эта хрень заканчивается, выясняется, что мы на самом деле находились все это время на гигантской гладиаторской арене, а миллионы глаз просто забавлялись интересным поединком с тобой в главной роли и делая на нас ставки! Затем за нами является сам Император и, так сказать, спасает! Потом мы все, арестанты и ссыльные, вдруг становимся его гостями, которым он, оказывается, очень рад, и даже нас лечит! И не успеваю я слегка вздремнуть, как меня вытаскивают на вечеринку в некий Дирижабль, болтающийся неизвестно где, и Император дает мне титул Верховного Канцлера и право хранить Его досье. Там я, голодная и злая, снова попадаю за такой стол, от удовольствий которого невозможно отказаться! И будучи по своей природе личностью весьма гедонического склада, а также чтобы перенести навалившееся на меня дерьмо, я напиваюсь прекрасного Кубинского рома. И вот, наконец, когда посиделки с Императором и прочими его приближенными закончились, я захожу в номер для того, чтобы основательно выспаться! Так что, усталость – это совсем не то слово, которым уместно было бы описать мое нынешнее состояние! Я уже просто на автопилоте.

В номере прохладно и пахнет ароматом Чайного дерева! Совсем слегка. Очаровывающе! И у меня хватает сил раздеться и даже откинуть на двуспальной кровати в сторону покрывало. И я бухаюсь в нее и лежу неподвижно, не дыша, и даже без мыслей. Все. Работа сделана. И теперь хоть Второе Пришествие случись, мне не подняться!

Перед глазами немыслимо вращается потолок. Так, что тошнит. А если их закрыть, то еще хуже! Ощущение такое, будто падаешь, вращаясь, куда-то в бездну. Тот из вас, кто хотя бы

однажды срывался в Черную Дыру, за горизонт событий, тот, без сомнения, меня поймет! В обычной же ситуации провалом в такую Черную Дыру является какая-нибудь грандиозная попойка, или, как было модно говорить в годы моего студенчества, глобальножор, а роль всепобеждающей гравитации – это твоё желание выпить. И часто во время какого-нибудь веселого застолья случается так, что твоё сознание, как лучик света в закольцованном, туго скрученном пространстве неодолимой силы, совсем незаметно срывается в ту бездну, из которой уже нет возврата. Пути наших страстей и привычек стягивают нас подобно канатам гравитации сверхмассивных тел Космоса. А сами Черные Дыры это врата ада... Я лежу, не в силах отключиться, и вяло строю аналогии между греховными зависимостями человека и гравитационными аномалиями Большого Космоса, и сама удивляюсь тому, как четко и тонко может работать ум, находящийся на грани отключки. Наконец, ценой невероятных духовных усилий и многократно прошептанной Иисусовой молитвы мне удастся расслабиться настолько, что я начинаю периодически впадать в сон, вздрагивая и просыпаясь вновь и вновь. Или даже не в сон, а в какую-то дебрь крошечную, не содержащую в себе совсем ничего. На меня наваливаются неизвестные звуки и незнакомые голоса непонятно откуда взявшиеся, настораживающие и неприятные, и я понимаю, что мозг уже вырубился, но я при этом по-прежнему все еще бодрствую. Момент полного отключения я уже не замечаю... Я достигаю своего, локального Горизонта событий... Там, за его границей, уже внутри Сферы Шварцшильда, есть много такого, о чем никто никогда не узнает...

Белые карлики – проэволюционировавшие звёзды с массой, не превышающей предел Чандрасекара (максимальная масса, при которой звезда может существовать как белый карлик), лишённые собственных источников термоядерной энергии. Белые карлики представляют собой компактные звёзды с массами, сравнимыми или большими, чем масса Солнца, но с радиусами в 10000 раз меньшими. Сутки здесь длятся 15 – 17 минут. Размеры – примерно как у Земли. Только вот плотность намного больше. Плотность самого легкого из известных Белых Карликов такова, что 1 см³ его вещества весит 29 тонн! Температура на поверхности ~ 45 000 К.

Остывая, Белый Карлик становится Карликом Черным. Абсолютно мертвое тело с чудовищной силой притяжения на поверхности. Но до настоящих Монстров ему еще далеко!...

Я вижу интересный сон. Мне никогда не снился Космос. Как-то не припомню. Да и не мое это, несмотря на то, что помимо основной культуролого-исторической профессии, мне так же за мою очень длинную жизнь пришлось овладеть и физ-мат дисциплинами тоже.

Никогда мне не снился Космос. А тут... просто как наяву! Причем, я же в уголке недремлющего сознания, на том посту, где часовые никогда не спят, я там понимаю, что сейчас я сплю у себя в кровати, в номере отеля... И при этом вижу своими глазами это завораживающе красивое космическое чудовище, готовое к тому, чтобы тебя истребить во мгновение ока! Шутка ли сказать, но я, стоя на поверхности Белого Карлика, если бы такое чисто теоретически было возможно, я весила бы в миллион раз больше своего нормального веса. Как я понимаю, во сне ведь можно все. Но наяву даже Большой Ноль не уберег бы тебя от влияния Звезды.

Сейчас же я, можно сказать, вишу над поверхностью этого прекрасного в своей красоте монстра в паре сотнях километров над его жидкой, переливающейся поверхностью невероятной плотности, и меня не испепеляет ни жар его атмосферы, не скручивает его гравитация, не слепит глаза излучение такой силы, что давление света на предмет сравнимо с давлением струи газов из сопла ракеты на старте!

Я люблюсь этим завораживающим сновидением, купаюсь в эмоциях, которые ранее я никогда не испытывала, и это состояние все длится и длится, и мне очень не хочется его покидать!

Однако, все имеет свои пределы. В том числе и прекрасные сны! Я чувствую, как за плечо меня кто-то основательно трясет, и мысль: «Дайте же, наконец, мне выспаться!» Ан-нет! Меня

продолжают будить и чей-то очень знакомый голос, который я отчетливо слышу уже ушами и наяву, мне говорит.

– Просыпайся уже! Вот ведь соня какая! —

Такой знакомый, скрипучий голос и такой знакомый ворчливый тон!

Я узнаю по голосу и интонациям, что это Ниэтель, и окончательно решаю проснуться. Тру глаза и пытаюсь сесть на своей кровати. Наконец, ко мне возвращается нормальное зрение. Я определяю, что хмель как ветром сдуло. Стало быть я проспала достаточно долго. Да и по своему удивительно легкому самочувствию я понимаю, что выспаться мне вполне удалось. Я обвожу беглым взглядом все вокруг – полезная привычка, сохранившаяся у меня со времен Противостояния, – и в самом деле вижу перед собой улыбающееся, доброе лицо старушки Нити.

– Где я? – Спрашиваю я ее. Потому что обнаруживаю себя совсем не там, где я легла отдыхать, бухнувшись в кровать в здании «Олимпиака», у Теодора. Это место, в котором я проснулась только что, мне совершенно незнакомо. Нити молчит и улыбается. Дает мне время прийти в себя и избавляется от необходимости самой отвечать на риторические вопросы.

Большая комната. Много света. Ампи́р вперемежку с барокко. Плюс чуточку классицизма. Классицизм в основном в самом помещении, а внутри все достаточно эклектично. И у меня моментально возникает ассоциация комнаты этой, как html-контейнера, в котором напиханы джава-скрипт коды и разметки. Странная аналогия. Учитывая то, что... да, именно то, что я никогда не занималась ни программированием, ни изучением этих дисциплин. Опять я спонтанно обнаруживаю в себе некие новые знания, которые никогда ни от кого не получала. И с этим тоже теперь нужно будет разбираться! ... Очень свежий, почти холодный, влажный воздух, наполненный запахом моря. Едва уловимый, невесомый в воздухе флёр фиалок, по наличию которого я определяю, что скоро вечер. Отдаленный шум волн.

– Мы у тебя в Безвозвратном. – говорю я старушке, зевая и потягиваясь. – Сейчас часов шесть по полудни. И разгар лета. Скорее всего, август! —

– О! Я всегда знала, что у тебя прекрасные рефлексy! – Произносит Ниэтель медленным, выразительным тоном. Потом она встает с краешка кровати, на котором восседала рядом со мной, и идет к окну, дабы раздёрнуть шторы, впуская в нашу комнату низкое, но еще знойное солнце Лазурного Берега!

– Нити, ты же с нами попрощалась! Что за ... – Я подбираю слова к своему вопросу о том, почему Нити снова вошла в мои дни, но слова куда-то вдруг исчезают, а на ум приходит лишь мат...

– Да. Мы у меня. Но в Безвозвратный я так и не ушла. Я при делах. По-прежнему. Не могу вас бросить насовсем. Потому что вы без меня пропадете! Просто теперь все думают, что я на заслуженном отдыхе! Пусть думают... Кофе? —

– Да!!! – Ору я, буквально подпрыгнув на кровати. – Много! И... м-м... покурить бы тоже! —

Ниэтель поворачивается вполоборота ко входной двери и тихо, как будто бы обращаясь ко мне говорит.

– *Alexandro, si prega di portare il nostro ospite una tazza di caffè!* (Alexandro, пожалуйста, принесите нашему гостю чашку кофе!) – Произносит она на итальянском. И вдогонку, уже чуточку громче. – *Solo più forte e più veloce!* (Только покрепче и побыстрее!) – И потом уже, обращаясь ко мне. – С табаком намного сложнее. У меня тут никто не курит, но... где-то должна быть трубка твоего отца, которую он курил во времена нашей сем... э-э... нашего совместного проживания в Ялте. А табак... я полагаю, можно будет раздобыть в городе. —

– Я потерплю. – Говорю я ей и тут же задаю главный вопрос. – Мы здесь в когда? —

– Девятнадцать восемьдесят девять. Благодатное время! Ницца. Мое поместье, где я поселилась уже давно! Хотя, основное мое имение находится на юге Италии. Да и мой персонал почти весь оттуда. —

Кое-какие мысли до меня еще доходят не вполне, но...

– Значит ... – Медленно начинаю я, но Нити не дает мне задать вопрос полностью.

– Да! – Говорит она мне. – Я сейчас совсем еще молоденькая. Каких-то лет шестидесяти от роду с твоим... э-э... с Джафаром в Ялте. Сегодня воскресенье и мы в гостях у Воронцовых. Всего-то пару тысяч километров по прямой ... – Взмах руки в сторону окна. Выдерживает паузу и добавляет напыщенно, гордо приподняв подбородок. – К сожалению, во Времени нет прямых, стоит только ему стать Историей! —

Она опять отворачивается к окну, но я не перебиваю ее, замечая попутно то, что окно выходит на северо-восток, в сторону Крыма. Пусть выскажется. У нее такая привычка – рассуждать о чем-либо, стоя у окна и повернувшись к собеседнику спиной. «Еще так поступают кошки.» – Фиксирую я пришедшую мне в голову аналогию, и по наличию мыслительных способностей заключаю, что теперь я абсолютно в норме... Даже и без кофе!

– Он стал циничен. – Говорит Нити почти шепотом. – Подчеркнуто груб! И потом, эти бесконечные карты! Пикировки с Павлом Петровичем... Скушная публика зимнего Крыма... Ялтинские обыватели... все как-то... так надоело! Не сложилось все! Эти его нескончаемые бани с... с местным люмпеном и пивом! ... Прости, но мне это все так отвратительно было. Не он, конечно, нет. А то, кого он старательно пытался из себя изобразить. Этакого ... – она на секунду замялась, – Базарова. Нет, не то. Не Базаров. Но если искать параллели с героями этого периода, сплав, пожалуй, фон Корена с Лаевским... Да... Натуралист-социопат и неврастеничный кататоник-нарцисс в одном лице! – И добавила после еще одной затяжной паузы. – Это было невыносимо! ... Меня разрывало на части. Я любила его так сильно! И так же сильно он мне был противен в этом его... напускном амплуа! Ну, а после этой совершенно безобразной его выходки с Глашкой Разговоровой... Хотя, по правде говоря, это я ее к нам привадила. Сама. И все же, не стоило ему тогда ... —

В этот момент двери в нашу комнату открылись, и вошел молодой слуга весьма крепкого телосложения с подносом в правой руке. Он быстро прошествовал к столу рядом с моей кроватью и не поднимая глаз поставил поднос. Там, как и ожидалось, стоял небольших размеров кофейничек розового немецкого фарфора, тонкого до такой степени, что он казался бумажным, и в тон ему крошечная чашечка. Ваза, в которой лежало несколько совсем миниатюрных кусочков желтоватого сахара и такая же махонькая булочка на блюде. Все аккуратно и очень скромно. Что ни говори, а Нити как никто умела обставить свой повседневный быт удивительно красивыми вещами!

– Grazie, caro Alessandro! – Сказала Ниэтель голосом Императрицы, чуточку повернув при этом голову к слуге. – Andate in città e comprare qualcosa di tabacco per i nostri ospiti! (Идите в город и купите табак для нашей гостии!) —

Когда же Алессандро вышел за двери она сказала.

– Оденься, Дитя! Ты смущаешь челядь ... —

И только тут я заметила, что на мне почти ничего нет. Ха!

– Где мои наряды? – Спросила я.

– Остались в «Олимпике». – Ответила Нити. – Живя здесь ты в любом случае не смогла бы носить ни костюм для путешествий в Ортовремени, ни твой деловой костюм конца двадцатого века! Я тут припасла для тебя кое-какие наряды сообразно этому периоду и... просто из любви к тебе! – Она улыбнулась. – И пока ты то исчезала, то вновь появлялась, лежа в этой кровати, продолжая спать мертвецким сном и отравлять местную флору и фауну жутким перегаром, я успела подыскать тебе одежду и... передумать кучу всяких мыслей, но последовательно так ни к чему и не пришла. —

– Как это? – Спросила я. – Что значит «то исчезала, то появлялась?» —

– А то и значит, – сказала Ниэтель, – что ты... что сейчас ты вот лежишь и спишь сладко, как ребенок. А через секунду – бац! – и тебя нет. Ты исчезла! И я как дура последняя, не знаю что делать? Сажу и думаю, как мне оправдываться перед Тео? Более всего это было похоже на переход по гиперссылке. Но чтобы во сне и без приборов?! ... Здесь много всякого в голову приходит. Потому что, поверь, явление же незаурядное! ... Потом снова – бац! – и ты преспокойненько спишь тут, как ни в чем ни бывало и даже не изменив позы. И так продолжалось несколько раз. Пока мне... пока мои старческие мозги не сообразили, что по-видимому, чтобы эти пропадания твои и появления прекратить, тебя просто разбудить нужно! Что это как-то связано со сном... Тебе что-нибудь снилось сейчас? —

– О, да! Еще как снилось! – Отвечаю я Нити, наливая себе в чашечку кофе. – Но следуя из твоих слов, я теперь не уверена, что это был именно сон. И мне страшно! – И пока я с наслаждением пила дивный этот напиток, я пересказала ей свой сон.

Глава 2. О Времени, генетике и не только

Известно, что ложью можно достичь очень многого. Но на очень короткое время. Ненадолго. Может быть даже тебе хватит до конца жизни дивидендов лжи. Но всегда нужно помнить, что жизнь не заканчивается окончанием земной жизни, и тело, которое лгало и наслаждалось профитом лжи, оно не сможет спрятать за ширмой своей дебелости, когда эта ширма падет, всю мерзость твоего внутреннего устройства. Если ты – лжец... Чаше всего – именно так! И сколько не виться веревочке лжи, а конец рано или поздно обнаруживается.

Особенно отвратительно, когда тебе лгут твои же друзья. Те, кому ты искренне веришь. Родной человек не может стать не родным по причине наличия в природе закона наследственности. А друг в одночасье может стать для тебя предметом бесконечного расстройства, переходящего иногда даже во вражду, коль тыловишь его на вранье. Поэтому когда дети обманывают своих мам – это плохо, но с этим как-то можно жить, занимаясь коррекцией воспитания. А вот когда ты уличаешь ближайшего своего друга в том, что пятьсот тысяч лет он тебе говорил неправду, изо дня в день поправляя на твоём носу розовенькие очки а-ля Элвис, и будучи взрослым и ответственным человеком делал это абсолютно сознательно, то чем бы ни была мотивирована эта прекрасная сказка, кроме жгучей обиды это в тебе не вызовет никакого иного отклика!

Да, я научилась за свою весьма и весьма долгую жизнь прощать людям то, за что в молодости просто убила бы. Но... Все равно каждый раз бывает крайне неприятно! И да, конечно, есть на свете вещи, к которым нельзя привыкнуть, как ни старайся!...

– Девочка моя! – Сказала мне Нити после того как выслушала мой сон. – Мне кажется, у тебя проблемы! —

– Но я до этого додумалась уже и сама! —

Я проглотила, почти не заметив, крохотную булочку, которую принес мне Алессандро, и приуныла. Не помогал даже прекрасный кофе! Могла бы немного помочь трубка папы, набитая хорошим «Герцеговина Флор», или чем-нибудь кубинским, но Алессандро еще не вернулся с покупками из города...

– Нити... что теперь делать? – Сказала я. – Если это со мной... все окажется правдой? Мне теперь не спать, что ли? Как после фильмов ужасов? —

– Фу! Какая гадость! – Фыркнула Нити. – Кажется припоминаю что-то из моего пребывания в двадцатом. Комиксы, фильмы ужасов! ... Неужели ты все это ... —

– В детстве смотрела! – Сказала я. – С братом и папой! —

– Дитя! – Воскликнула Нити. – Но это же... это же гадко! —

– Это просто «фу»! – Согласилась я.

Низтель прошлась по комнате, шаркая ногами, спрятанными в огромные пушистые тапочки в форме собачьих голов. Было понятно, что она принимает некое решение относительно меня.

– Не знаю как там в фильмах, – сказала она тоном заботливой бабушки, в очередной раз остановившись у окна, – но тебе нельзя сильно переутомляться! Отныне всякое переутомление для тебя под строжайшим запретом! Потому что это у тебя приходит из глубин мозга. – Она снова продолжила свое движение по комнате, рассуждая вслух. – Переутомление приводит к тому, что мозг переходит из обычного режима работы в режим гипервозбуждения. Как педаль газа, которую выжали до упора, и поэтому она застряла в полу. И машину остановить теперь невозможно! Точно так же действует ЛСД и некоторые другие наркотики. При этом активизируются те зоны, которые в нормальном состоянии обычно дремлют. И извлекается из подкорки на свет Божий то, что... чему положено быть спрятанным. Сокрытым. Из-за своей опасности... Некие возможности, не принадлежащие физическому, материальному

миру... Это то, что во все времена было всем прекрасно известно и в столь же широком аспекте всегда находилось под строжайшим запретом! —

— Ты имеешь в виду ... — Я никак не могла выудить из памяти нужное слово. — Ты хочешь сказать, что... Что ты хочешь этим сказать? — Наконец проямлила я.

— Некие активные возможности человека, которые, очевидно, заложены в его геноме и которые наглухо скрыты у подавляющего большинства простых индивидов. Просто иногда случается так, что все это у кого-нибудь вылезает наружу, и тогда необходимо это немедленно пресекать! — Предельно четко и так же предельно жестко отрезала Ниэтель. Она умела быть непреклонной в своих принципах, когда до этого доходило дело. И в этом случае никакие прежние отношения между ней и собеседником в счет не шли. Я это знала на деле. И лучше всего сейчас для меня было бы минутку-другую помолчать. Пока Нити не выговорится! Но я, все-таки, рискнула спросить.

— Откуда ты это знаешь? —

— Знаю! — Отрезала Ниэтель, но мгновенно взяла себя в руки. — Ты же понимаешь! ... Прости! Наша... моя работа как агента. Был двадцатый век... Век всяких... самых разных революций. В том числе и в науке. Я работала там по коррекции деятельности, а вся Европа как раз тогда лежала в северном рукаве огромнейшего эвентального циклона, который перекачивал Стасис из будущего в прошлое. Причем из очень далекого будущего ... — Она на секунду замялась, — Я трудилась у Сеченова, Бехтерева, Мечникова и Павлова. И конечно же с Сергеем Вавиловым. В разные годы... Моей задачей было, как ты вероятно уже догадалась, не допустить прорыва в науку... точнее, прорыва науки в тонкий мир. Для этого тогда были все предпосылки! ... И полно гениев! Да. И мне это удалось... Проблема в том, что я, имея ряд дипломов уровня двадцать третьего века, моего родного времени, — скрипела Ниэтель, — не могла не понять всей мощи того, над чем трудились эти доблестные мужи... Это было гениально! То, к чему они могли бы прийти... если бы мы им это позволили... Именно это спровоцировало бы... с высокой вероятностью... падение... точнее, обрушение нашей реальности в сферу действия нестационарных законов. В такую область времени и пространства, где правят законы физики, которые легко могут сами видоизменяться! Если быть еще более конкретной, то там даже мировые константы варьируемы в своих значениях! Но... Как бы тебе это сказать, чтобы не напугать до смерти? ... —

— Меня?! Я и так уже напугана до смерти! — Вставила я. — Говори как есть! —

— Я сейчас отлучусь на минутку и вернусь. — Сказала Ниэтель. — Не спи! Приду и все тебе расскажу. —

Милая и очень вредная старушка не спеша удалилась за двери, и мне был слышен ее голос, когда она шла по коридору, разговаривая с кем-то из прислуги то по-французски, то по-итальянски. Она только что вылила на меня такое количество свежайшего навоза, что теперь я пребывала вместо прекрасного настроения в какой-то панике невыносимой. Видимо потому, что мы все вступили в какую-то совершенно иную фазу жизни вследствие моих новых способностей. В некий мир, законов которого я совершенно не знала и поэтому была перед ним безоружна!

— Что ты знаешь о Нестационарных Законах природы? — Прямо с порога спросила она меня, когда после довольно-таки длительного отсутствия вернулась в нашу комнату.

— Ничего. — Честно призналась я. — Более того, я никогда даже и не слышала таких названий! Я ведь изначально историк. А всякие точные науки познавала значительно позже своего призыва и ровно в той мере, чтобы понимать нашу работу. Впрочем. Нити, ты это итак все знаешь! —

— Да, конечно. Риторический вопрос. Тогда вот послушай. — Тут она протянула мне уже забитую табаком деревянную трубку, от которой еще пахло табачными смолами и коробочку спичек. И пока я с наслаждением раскуривала это громоздкое устройство, она сказала.

– Ты кладешь на рычажные весы два... две гири. Одна в пять килограммов, а другая в два. На какую сторону покажет уточка весов? —

– Что за вздор, Нити? – Обиделась я. – Мы же не в школе! —

– В школе? Представь, что в школе. Отвечай! —

Перечить старушенции не имело смысла. А часто случалось так, что она могла тебя просто отходить веником за твой норов! Поэтому...

– Уточка весов покажет на сторону, где пять килограммов. – Огрызнулась я, выпуская огромное облако сизого дыма прямо в сторону любимой старушки!

– Хорошо. – Сказала она, отмахиваясь от облака рукой. – И нет никакой возможности выровнять положение уточки, не докладывая на ту чашку, где два килограмма, ничего и так же ничего не снимая с пятикилограммовой чашки? —

– Нити ... —

– Отвечай! —

– Ну, можно пружинку приделать к более легкой и оттянуть вниз, или магнитиком? – Меня начала забавлять наша детская беседа. – Раньше, на базарах моего детства, так обвешивали народ! – Я хихикнула.

– А если без пружинки и магнитиков? —

– Невозможно. —

– А если я тебе скажу, что это возможно? – Вид у нее был самый что ни на есть серьезный!

– Я бы здорово удивилась! – Парировала я.

Табак в трубке был превосходный. Не крепкий, терпкий, с неким незнакомым мне ароматом. После парочки невероятных затяжек, как говаривал принц Корвин, " ... мне удалось, наконец, снять с ног двухпудовые гири!» Нити опять ушла к открытому окну, так как табачный дым, очевидно, сильно ее раздражал! И оттуда сказала.

– Представь, что теперь у твоих весов смещена ось вращения чашек в сторону чашки с БОльшим грузом. —

– Представила. Да. Это еще один вариант обвеса покупателя. Но я по-прежнему не понимаю ... —

– А теперь представь в уме уравнение Эйнштейна. $E = mc^2$. – Продолжала Ниэтель.

– Представила. —

– Знак равенства в этом уравнении выражает... э-э... и даже изображает внешне именно такой вот рычаг весов, как на весах из твоего детства. Просто представь, что знак равенства – это некая планка, жесткая, с просверленной в ней дыркой и неким штырем, вокруг которого может осуществляться поворот. Ось отцентрирована таким образом, что если расстояние от той чашечки, на которой лежит энергия покоя E , до оси равенства принять за 1, то чашечка, на которой лежит масса покоя « m », будет удалена от оси равенства аж на целых c^2 единиц! То есть хрен знает куда, поскольку число это огромно! То есть единичное плечо этого рычага со стороны энергии покоя E компенсируется гораздо большей длины рычагом c^2 со стороны массы покоя. По сути это уравнение выражает собой правило моментов. Произведение массы на рычаг с обеих сторон должно быть одинаковым. Тогда мы можем поставить знак равенства. Если же уточка этих весов куда-то уклонится, тогда мы должны ставить не знак равенства, а, скажем знаки больше или меньше. Но в современной теории Нестационарных Законов знаков больше или меньше вообще нет. А есть только вместо знака равенства некий контейнер, наподобие записи бра- и кет-векторов в символической Поля Дирака, в котором, – в контейнере, – указаны те параметры левой и правой частей этого «рычага эквивалентности», при которых равенство будет строгим. Понятно? Вот каким образом маленькая величина может «весить» столько же, сколько и огромный вес. Закон рычага! —

– Кажется, понимаю! —

– Так вот. – Продолжала Ниэтель. – В нормальном пространстве, знаки равенства во всех законах Природы отцентрированы жестко. Раз и навсегда. А есть пространства, миры... в которых сама центровка знака равенства, а точнее сказать, отношения эквивалентности, может меняться и влево и вправо. Вот эти пространства, или же миры, как мы их называем, и являются пространствами с Нестационарными Законами. —

– Кто это мы? – Подловила я старушку на слове.

– Мы – это те, кто давно и системно их исследует. – Ответила мне Ниэтель.

Я не стала больше пытаться старушку долгими расспросами о том, в чем слабо разбиралась. Но суть мне стала ясна. Вот у тебя слева энергия, которая необходима для того, чтобы вскипятить литр воды. А справа от знака равенства произведение массы этой воды на ее теплоемкость и температуру нагрева. Можно, не меняя ни температуры нагрева, ни теплоемкости воды... Да, блин! Вообще можно ничего не нагревать! Просто каким-то образом ты вместишься в ось этого рычага, смещая ее... куда? Да, в сторону энергии. И теперь вода у тебя кипит при той температуре, при которой она только что была холодной. А если эту же ось смещать в противоположную сторону, то вода мгновенно превращается в лед... Блин, это впечатляет! ... О, да! Это очень, очень впечатляет! И при этом никакой тебе магии и колдовства. Просто иной способ управления процессом нагрева! ... «Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир!» Должным образом этот закон рычага со времен Архимеда, оказывается, никто не понимал! А изменение точки опоры в самом отношении эквивалентности может переворачивать не только предметы, но сами физические законы! Вот это да! И... конечно, я несколько не удивилась бы, узнай, что основоположником и этого метода управления Природой тоже был мой отец. Раз это известно Ниэтель и при этом не известно более нигде и никому? Я бы услышала про Нестационарные Законы. За мою-то жизнь! Обязательно где-нибудь бы да услышала... Заговорщики хреновы! Я старалась не подавать виду, что сильно удивлена, и задала Нити вполне безобидный вопрос, который уже повсюду созрел.

– Нити, – обратилась я к старушке, – где у тебя здесь туалет? —

– В конце коридора. Оденься! У меня все слуги крепкие молодые парни половозрелого возраста! —

– Мне плевать! – Сказала я, и выйдя из комнаты в красивом кружевном нижнем белье и, попыхивая папиной трубкой в зубах, направилась по длинному коридору усадьбы.

То, что мне только что сообщила Ниэтель, заслуживало неторопливого и тщательного обдумывания. Но все это я могу спросить у нее и так. Мне было интереснее другое – зачем она меня вытащила, а лучше сказать, выкрала из номера «Олимпиада» к себе в поместье, зная наверняка, что здесь меня никто искать не будет, ибо было категорически запрещено всем без исключения посещать агентов в их Безвозвратных периодах! А Ниэтель официально как раз со всеми распрощалась. И даже сказала нам свое напутственное слово. «Все – гады!» – ласково сказала она нам на прощание. Надо же! ... Нити... На поверку она оказывается подпольщицей, ведущей с кем-то тайную игру. Или войну?

Я задумалась обо всем этом так глубоко, что и не заметила как вместо желаемого места общего пользования вышла во внутренний дворик ее усадьбы. И мне в лицо сразу же ударил зной. Солнце, спрятанное от глаз высоким забором из белого шершавого туфа, освещало лишь клумбу с маками и фиалками у противоположной стены двора. Но и этого послеобеденного освещения было достаточно, чтобы я моментально зажмурилась. Время сиесты здесь было принято проводить в прохладных недрах домов и усадеб. А не шлаться нагишом, находясь в гостях! Среди малознакомых людей... Некто высокого роста, подметавший неспешно и без того вылизанную плитку двора, немедленно отвернулся в сторону. Что ни говори, а Нитина сволочь была вышколена превосходно! А потом этот ладно сложенный парень отложил свой веник на длинной ручке и пошел в сторону тенистой колоннады, поддерживающей балкон вто-

рого этажа здания. Вынес мне оттуда большое махровое полотенце и не отрывая взора от земли сказал.

– Al suo arrivo, la signora Savely! (С приездом, госпожа Савелия!) —

– Севастьяна. – Поправила его я, вынув изо рта папину трубку. Потом завернулась в принесенное мне полотенце и добавила уже по итальянски. – Grazie. Il mio nome e Sebastiano, non Savely! (Спасибо! Меня зовут Севастьяна, не Савелия!) —

Парень этот то ли zalюбовавшись моей монументальной фигурой, то ли по какой-то иной причине, смотрел на меня неотрывно, как завороченный. Кажется мы были с ним в одной весовой категории!

– La signora ha cambiato il suo nome? (Сеньора сменила имя?) – Спросил он меня. Взгляд его при этом был чист и как-то по-детски честен. Это располагало. И вряд ли он ошибался, называя меня иным именем. Просто обознался! С кем не бывает? Ничего ему не ответив я отрицательно мотнула головой, развернулась и отправилась обратно в дом, оставив его стоять в недоумении. У меня были срочные дела с Ниэтель... Она мне лгала. Я поняла это только что. А там, где лгать было невозможно – многое от меня просто скрывала. И поэтому пора было выводить эту прекрасно воспитанную, чопорную, любимую мою врушку-старушку на чистую воду!

Когда же я снова оказалась в той комнатке, откуда вышла десять минут назад то застала Нити сидящей на краешке моей кровати. Она теребила руками уголок простыни, и имела очень виноватый вид. Конечно она все уже поняла, пронюхав за тем, как я общалась со слугой во дворе усадьбы. А может быть и подслушав...

– Прости меня, солнышко! – Тихо выдохнула она, предвосхищая мое нападение. О, эта старая хитрюга! Она превосходно владела тактикой и стратегией испрашивания прощения в самых непростительных ситуациях!

– Я пока еще не знаю – сказала я спокойно, не повышая голоса, – по каким меркам мерить? Может быть сначала ты расскажешь мне зачем ты выкрала меня у Теодора? Это из-за его досье? И, кстати, где оно? И почему твой дворовой слуга называет меня другим именем? —

– Всего так много, что не знаю даже с чего и начать. —

– Начни в том порядке, как я задала вопросы. —

– Хорошо. Тогда нам понадобится еще кофе и табак для тебя. —

– Я потерплю. – Ответила я ей. – Тебе случится насмерть отравиться никотином, если только я начну в полной мере удовлетворять свои потребности. А насчет кофе? Я всегда «за»! —

Нити позвонила в колокольчик, вынутый откуда-то из рукава, и в двери зашел Алессандро, пятясь задом, так как вкатывал приличного размера стол на колесах, накиннутый белоснежной, тончайшей скатертью, украшенной изящнейшим набивным узором цвета неба на заре. Я открыла рот. Вот как, оказывается, проводят время люди в своих Безвозвратных периодах! ... Понятно, что хитрая старушка пыталась всячески скрасить ту пилюлю, которую она от меня в любом случае получит и, зная мои пристрастия, заранее позаботилась о том чтобы меня всячески задобрить тем, что мне нравится более всего! Можно даже было не гадать, что скрывается под скатертью. Очевидно бутылка чего-нибудь крепкого и столь же прекрасного, очевидно, это будет мое любимое жареное мясо с богатым овощным десертом и много, да, я подчеркиваю, именно много сладкого!

Алессандро раскланялся и сказал, обращаясь ко мне, завернутой в махровое полотенце.

– Siamo tutti molto eccitati, Ms Savely con noi ancora una volta! (Мы все очень рады, госпожа Савелия, что вы снова с нами!) – После чего ретировался вон. И опять прозвучало это имя. Савелия. Но на этот раз я на него не отреагировала. Ниэтель тем временем сняла с привезенного столика накидку и моему взору предстало то, что нам привезли на ужин.

– Я уже в Раю? – Спросила я Нити.

– В Раю это не едят, Дитя! – Ответила старушка с грустью во взгляде. – Ешь. Я пропускаю этот раунд! —

Алессандро и впрямь привез пузатую бутылку вина. Старую, без названия и этикетки. Так же на столике можно было обнаружить устрицы под маринадом, какое-то мясо в большом блюде, под соусом, источающим тончайший аромат, а так же много маленьких тарелочек с чем-то, что я еще не успела распознать.

– Нити! Мне одной... как-то даже неудобно! —

– Я помогу тебе с устрицами. – Сказала она. – Но все остальное – сама! – И улыбнулась. – А мне плесни капельку вина вот в этот наперсочек! – Она протянула мне крошечную хрустальную рюмочку. – Но я пить не буду, а только чокаться! Чтобы ты... не страдала от чувства одиночного и неизлечимого алкоголизма! —

– Что за вино? – Поинтересовалась я у нее, освобождая горлышко бутылки от почти уже вынутой пробки.

Старушка лишь пожала плечиками.

– Я попросила Алессандро принести что-нибудь из нашего погреба. Он лучше меня во всем этом разбирается. – Она сидела, напряженная и собранная, ожидая нелегкого разговора, и мне стало ее жаль.

– Давай, может быть, ... я не стану у тебя ничего вообще спрашивать, а ты сама уже реши, что говорить мне, а что нет? – Сказала я ей, решив поддержать ее в трудном положении.

– Да, дорогая! Собственно, я давным-давно уже все решила и приготовила свою речь. Просто ... – Тут она сделала длинную паузу. – Просто я никогда-никогда, ни при каких обстоятельствах не стала бы рассказывать тебе то, что скрывала в течении долгих столетий. Правду о тебе. Нипочем и никогда никто у меня бы это не выведал! Но... Вчерашний светский раут в этом его дирижабле, ... просто дольше ждать уже нельзя. Иначе ... —

Я вспомнила вчерашнюю встречу у Теодора и сказала.

– Ты имеешь в виду его слова о том, что он вознамерился возвратиться в прошлое, откуда был извергнут людьми? —

– Конечно! – Неожиданно ответила Ниэтель. – И именно для этого мне потребовалось знать содержимое его досье. И не только поэтому. Есть еще причина, и это именно та причина, по которой ты находишься здесь и известна под другим именем. —

Я выпила бокал вина и отметила про себя, что обязательно поставлю прижизненный ростовой памятник Алессандро сразу же, как только куплю где-нибудь розовый мрамор. Это было не вино, а какой-то совершенно необыкновенный нектар. Очень крепкий, но легко пьющийся. Терпкий, приятно горький на вкус, содержащий в себе мяту и миндаль. Много миндаля. И совсем чуточку мяты. Это было великолепно, и поэтому я сразу же налила себе еще. Тем временем Нити продолжала.

– Основная причина того, зачем ты здесь, вовсе не Теодор. – Скрипела Нити в то время, как я после вина набросилась на мясо. – Теодор – да. Но ведь именно ты теперь в Конторе возглавляешь всю Полевую службу! —

– Не стану этого отрицать! – Мне с трудом удавалось выговаривать слова сквозь набитый рот.

– Вот поэтому ты и здесь. – Сказала Ниэтель. – Видишь ли, мне необходимо срочно передать тебе все дела, как моей правопреемнице, поскольку то, чем я занималась в Конторе, то, что у вас всех на виду, это, по сути моя служба на Теодора... Да, да, да! – Подтвердила она свои слова в тот момент, как я искренне выпучила глаза от изумления! – Именно так. А мне нужно передать тебе все свои дела из той области, о которой ни Теодор, ни наш директор Арти, никто иной вообще не знает. Это... совершенно секретная исследовательская деятельность в сфере изучения иных, смежных с нами миров. Миров диких и крайне опасных! ... —

– Пространств с Нестационарными Законами? – Я, наконец, проглотила мясо.

– Именно! – Сказала Ниэтель. – И именно поэтому ты здесь, а не в Конторе. Я выбрала свою резиденцию в качестве базы для наших работ исключительно в силу того, что Безвозвратные закрыты для посещений. Хотя, полагаю, за моей резиденцией негласно наблюдают! ... И даже если бы в тебе не проснулись снова твои исключительные способности, которые мы так усердно в тебе глушили, и ты не стала бы, находясь во сне, блуждать по Большому Космосу, праздно зависая над Белыми Карликами, ... И даже если бы ты не стала моей преемницей в Конторе, а оставалась бы просто командиром семерки, ... ты сейчас все равно оказалась бы здесь! ... —

– ? – Я опять не могла сказать ни слова – настолько хороши были устрицы!

– Потому что нам срочно необходим твой геном! – Сказала Нити таким тоном, как будто речь шла о моей пляжной шапочке! И добавила. – Задавать вопросы, кивая головой, это у тебя от отца! Именно так он.. и я общались в тот день, когда впервые увидели друг друга. У Мельхиора в институте ... —

Я запила устрицы глотком вина и сказала.

– Что такого особенного в моем геноме? —

– Да ничего. – Сказала Нити. – За исключения того, что твой геном работает во времени непрерывно уже более миллиона лет. Это дает надежду на то, что все молекулярно-лингвистические потенциалы, скрытые в этой удивительной Книге, уже раскрыты и прочитаны твоим организмом... То есть твоё тело сейчас наиболее полно пользуется всеми своими, ... то есть всеми теми возможностями, которые заложены в твоём генетическом коде! —

– Я не вполне понимаю. – Сказала я.

– Конечно. Ты же не генетик! Я не в укор. Но просто я-то этим вопросом занимаюсь серьезно уже несколько тысяч лет субъективного времени. В основном в Конторе. Но и на выездах тоже... Пока еще мое тело совсем не исчахло. Это, конечно же, все началось с моего знакомства с Сергеем ... —

– Нити? ... —

– Да с Вавиловым! В двадцатом столетии. Это не моя гипотеза о том, что организм с годами читает собственный геном, словно книгу. – Она опять помолчала, понутив голову. – Не печалься, сладкий мой! Я – древняя старуха. Это – факт. И факт в том, что мои дни подходят к неизбежному финалу. И это – третья причина, почему я должна передать тебе все свои дела. И это – наиболее срочно! —

– Я тебя слушаю. – Сказала я.

На столике, который мне привез Алессандро, среди массы вкусностей и полезностей оказалась еще плоская картонная коробочка длинноволоконного табака из Болгарии. Мысль о том, что было бы неплохо закурить именно табак сорта Герцеговина Флор, пришедшая мне в голову час назад, когда я только еще проснулась в этой комнате, эта мысль самым удивительным образом материализовалась наяву. И поэтому я стала набивать папину трубку этим... этой дивной травой.

– Так вот. – Продолжила Ниэтель. – Ты, вероятно, знаешь такое явление как смена подобию ребенка его родителям? – И видя мое полное непонимание, сказала. – Ну, вот ребенок родился. И по мере его взросления он становится похож то на маму, то более на папу, то вообще ... —

– ... на соседа дядю Васю! – Вставила я, пыхнув трубкой.

– Да на разных своих предшественников. – Сказала старушка с улыбкой. – В том числе и на соседа дядю Васю, если он у женщины был первым! Потому что проявляется и так называемая телегония. Но не в этом суть. А в том, что геном, начинаемый читаться организмом, дает результаты те же самые, как и некая компьютерная программа, заложенная в исполнительный механизм и начавшая функционировать самостоятельно. То, что мы, люди, весьма и весьма похожи на исполнительные сервоботы, это вообще вещь очевидная. Но... те возможности,

которые сокрыты в тебе, во мне и в каждом, они практически неисчерпаемы. Проблема же вся в том, что человек умирает гораздо раньше того, как весь его геном будет вполне прочитан и так же вполне освоен его организмом! Мы... как бы это сказать? Мы просто откладываем в сторону интересную книгу в миллион страниц, прочитав из них только семьдесят... Аше же в силах, восемьдесят. Остальное истлевает во гробе, не успев никак реализоваться! Никак! —

— То есть ты считаешь, — сказала я, начиная понимать о чем идет речь, — то есть ты полагаешь, что я... то есть мой организм, прожив субъективно более миллиона лет, прочел и вполне освоил к использованию всю информацию моего человеческого генома? —

— Да. — Сказала старушка. — Но, конечно, не всю. На освоение всей информации нашего генома потребовалось бы гораздо большее время. Я думаю, ты успела освоить процентов пятьдесят. Видишь ли, ... Книга очень толстая! — Она улыбнулась. — Но из того, что ты теперь можешь свободно транслировать свое естество в любую точку вселенной, это... этот факт как раз и подтверждает нашу теорию о том, что возможности человека практически ограничиваются только возрастом жизни. И более — ничем. А возраст? — Она тяжело вздохнула, поднимаясь с краешка кровати и отойдя к окну, — Возраст столь катастрофически мал... что мы... мы просто сгораем непрочитанными. Как книги Хрустальной ночью у здания Рейхстага! —

Она замолчала, видимо устав от столь длительного и напряженного разговора на сложные темы, и я не стала нарушать тишину, давая ей необходимую передышку. Я просто налила себе еще вина. Холодало. Вечер уже наступил, и солнце французского юга, хоть и знойное, но почти уже зашедшее, перестало раскалять белоснежный камень здания усадьбы... Темно стало как-то совсем внезапно, как и положено на юге, и наша комната приобрела темно-бордовый оттенок в последних лучах красивого заката... В этот именно момент ко мне явилось воспоминание того, что где-то и когда-то я уже видела столь же багровый и столь же красивый закат. В каком-то мире с красным сверхгигантом. Но кроме этого так ничего и не вспомнилось.

— Тебе нужно отдохнуть, Нити! — Сказала я, поднявшись на ноги и приобняв старушку за щуплые плечи.

— Да, родная! — Ответила она. — Только ты больше не исчезай никуда как прошлой ночью! —

— Сегодня я намерена пройтись ночью по Набережной Ниццы. — Сказала я ей. — Где-то здесь именно в это время живет еще совсем молоденькая девочка, которая станет моей прапра-бабушкой Раисой. По линии отца. — Я улыбнулась. — Мне ведь можно пойти погулять? —

— Конечно! Только возьми с собой Алессандро. — Сказала Нитель. — А я последую твоему совету и устроюсь на покой у себя во флигелечке! Так... хорошо там ... —

С этими словами она совсем слегка прикоснулась холодными, синеватыми губами к моему лбу и прошаркала ко входной двери...

Мне стало понятно, что все мои детские претензии к Нити в части того, что она мне лгала и скрывала от меня правду о моем прошлом, что все это на фоне серьезности и, я бы сказала, на фоне грандиозности тех проблем, которые она только еще начала мне обрисовывать, они, эти мои претензии, были просто смешны и неуместны. В конце-концов, я не могу осуждать человека за его заботу обо мне... Я просто слишком сильно ее люблю!

Глава 3. Ночь в Ницце

*«... Ты чувствуешь все чаще в сентябре,
Что все мы приближаемся к поре
Безмерной одинокости души,
Когда дела все также хороши,
Когда все также искренни слова
И помыслы, но прежние права,
Которые ты выдержал в любви
К своим друзьям, – зови их, не зови,
Звони им – начинают увядать,
И больше не отрадно увидеть
В иной зиме такой знакомый след,
В знакомых новых тот же вечный свет!...»
(Иосиф Бродский, поэма -мистерия «Шествие». Отрывок.)*

Несмотря на то, что солнце как-то очень быстро село, мостовая и город вообще все еще источали зной. Камни Ниццы, раскаленные за день, никак не хотели уступать отвоеванное у Холода оперативное тактическое пространство.

Мы бодро шагали по какой-то улочке, которая довольно круто спускалась к морю. Как выяснилось, выйдя за высокий забор виллы Ниэтель, вся ее резиденция находилась практически за чертой города. В горах. И поэтому к морю нужно было идти километра три по достаточно крутому спуску. Мне было понятно почему это так. Ниэтель Футон занималась делами, которые никак нельзя афишировать ни в каком временном периоде! Лучше всего ей для своего Безвозвратного было бы выбрать что-нибудь Патриархально-Библейское. Например, тихий период правления Соломона? Но я знала Ниэтель. Она была светской львицей. И несмотря на то, что Время превратило ее из красавицы уровня Прекрасной Елены в согбенную, неприятную старушенцию, это никак не отразилось ни на ее привычках, ни на ее умении и желании руководить.

Я чувствовала себя прекрасно. И мой спутник располагал к себе своими манерами, своим тактом и... и вообще. Несколько стесняло то, что относился ко мне он явно как к некой госпоже, чьи распоряжения и приказы не подлежали критике. Меня это откровенно напрягало. Впрочем, получив вчера титул Придворного Канцлера в Империи Нового Рима, я так или иначе должна была привыкать к дворянскому званию и придворной жизни, которая подразумевает обилие выющейся вокруг тебя самой разнообразной челяди. «Скромность и дистанция!» – Как напутствовал меня Эльмуальд в отношении моего нового взлета... Я понимала так же и то, что напускная простота, или так называемое «смиреничание», могут отвернуть от тебя кого угодно. В особенности слуг. И гораздо неотвратимее, нежели твои господские капризы. Потому что люди ненавидят фальшь. Никакую. А слуги, если они на своем месте, они подобно собакам любят своих господ. Потому что только любовь к своему господину может превратить раба в того, кому сам господин будет рад служить. Как в историях с домашними животными! О, да! Я была поражена точности и циничности собственных формулировок! Впрочем, как сказала мне Нити, Алессандро был приставлен ею ко мне не в качестве домашнего питомца, а исключительно в качестве сопровождающего по городу, которого я совсем не знала. Да и вообще, на всякий случай. Скорее, для компании... Для моей охраны он мне был не нужен. С моим опытом и сноровкой в этой локализации мне опасаться было практически нечего.

Опасность могла исходить совершенно из иных мест и времен. И конечно, от совсем иных людей. Жители Ниццы этого периода на такие подвиги были явно не горазды. Я вспомнила то, что сбежал Гангр. И Мельхиор. Они оба представляли угрозу для любого из нас. Но что у них было на уме не знал никто. Я полагаю, даже они. Оба слиняли от Тео явно с какой-то весомой Исторической целью. И конечно, не в Ниццу конца девятнадцатого века.

Здесь было очень исторически тихо. Подернутая пыльной паутиной аристократическая периферия Франции с претензиями на величие. Не более того.

Я шла, размышляя о своем новом положении и о том, что такого важного мне предстояло вспомнить о себе, что это являлось чуть ли не задачей Исторического масштаба? И еще меня обременяло желание Ниэтель передать именно мне все свои полномочия в ее компании, занимающейся исследованием смежных миров. Пространств с нестационарными законами природы. Я совсем в этом была слаба, но... надо признать факт наличия у себя неистребимой любви... точнее, тяги к власти. Не любви, нет. Ибо власть – это всегда ноша. И ноша тем большая, чем больше власть. Носить же я не любила никогда и ничего. Даже пакеты с едой из супермаркета в те времена, когда еще жила в семье. В те времена я предпочитала разные прикольные рюкзачки! Не говоря уже о том, чтобы любить неподъемную ответственность! Стремление к власти как источнику благ и собственной безопасности и любовь к власти – это сильно разные вещи. Любовь к власти, на мой взгляд, является патологией психики. Но внешне мы тягу видим именно как любовь. И говорим о ней как о любви. В тяге и любви такая же разница как между Любовью и сексом. Это – свойства восприятия. Как сказал недавно мой инспектор Меридор Гелиба, «Вы очень любите власть!» А я тогда ему ответила «Больше всего на свете!» Имея в виду не любовь к ней, а стремление. Как к оберегу. И именно это ведь в тот день переагрузило его выписать мне еще одну временную индульгенцию размером в тридцать тысяч лет. То, что Меридор был тесно связан с Тео, я поняла еще в дирижабле. Когда Теодор просто повторил мои слова, сказанные не ему, а Гелибе. Такие, весьма авторские фразы, как та которую я произнесла в качестве ответа на вопрос Гелибы о власти, такие фразы не могут прийти в голову сразу нескольким индивидам. Они слишком неординарны и имеют слишком оригинальную авторскую, внутреннюю логику. «На мой вкус власть, – сказала я тогда Меридору, – это когда тебе все можно!» А он спросил «Вы ведь сейчас говорите об абсолютной власти?» А я тогда и сформулировала... Нет, скорее родила следующую связку пропозиционных понятий, в неповторимости и логической безупречности которой уверена до сих пор. Я сказала «Именно. Только такая власть и является властью. Власть от лукавого. Все остальное – просто детские бирюльки!» Я не думаю, что эти пятнадцать слов моей прямой речи мог бы кто-нибудь связать друг с другом именно в таком позиционно-смысловом порядке. Более того, я и сейчас считаю, что по смыслу сказанного это именно так. Это – безупречно так! Власть как беременность. Ее не может быть как-то чуть-чуть... Это нечто неделимое. То, что дается только целиком, а не частями. И если уж ты «залетела», то придется рожать! Женщины итак рожают. Детей. А вот мужчины – нет. И поэтому именно мужики больше всего подвержены этому стремлению на уровне безусловного рефлекс – желанию рожать. Пусть не на биологическом уровне. Пусть не детей, но продукты иных своих талантов, переживая в себе счастливые и... трудные периоды беременности властью. Властью над словами, если ты поэт. Властью над цветом и формой, если ты «artist» и властью над помыслами, если ты – монах. «И кто, в конце-концов избобрел колесо?» – Подумала я. – «Это же дитя... уровня Адама!»

Все эти мысли я наблюдала бодро шагая вниз по мостовой. Туда, где сияло море, отражая в своих водах отблески недавнего заката. И тут неожиданно Алессандро, шедший в полуметре от меня сзади, спросил.

– Скажите, Савелия, – обратился он ко мне, – чего бы вы хотели больше всего? —

Голос его был просто до предела насыщен серьезностью. Он как будто почувствовал то, чего я хотела бы больше всего и о чем ду... размышляла в эту самую минуту. Выдавать, однако же, ему свои тайные я не собиралась и поэтому моментально ответила.

– Мороженого. – Честно созналась я. – С шоколадной крошкой и тертым миндальным орехом. А так же веточкой мяты и долькой лимона... нет, долькой лайма в стакане ледяного чая «Молочный Улун». —

– Ого! – Воскликнул он, демонстрируя в себе черты не слуги, но активного собеседника. – Звучит просто как поэзия! —

«Чтож? Побеседуем!» – Тут же решила я.

– Но вы ведь меня не об этом хотели спросить, не так ли? —

– Да. – Сказал Алессандро. – Не об этом. Я имел в виду нечто значительно большее, нежели... чем личные гастрономические пристрастия! —

– Я вам так скажу. – Произнесла я. – Человеку столько всего нужно в жизни, что ни выделить в этом сонмище что-то более важное, ни даже просто сделать список того, что нужно, просто нет никакой возможности. Как нет возможности и обладать всем этим списком. В настоящий момент я бы оторвала голову любому, у кого оказался бы... высокий... бокал ледяного молочного коктейля и кто отказался бы мне его дать. Но конечно, бокал коктейля – это тактическая задача. Атака взвода пехотинцев за взятие второстепенной высоты. По настоящему же великие цели и великие наши желания... они могут касаться только глобальных стратегических целей. И поскольку речь идет именно о глобальных стратегиях, то естественно, самым желаемым с этой точки зрения может... точнее, могут быть только лишь те возможности, с помощью которых данные задачи можно разрешить. Я, как вы понимаете, говорю о власти. Власти с большой буквы! —

– Как у мамы Нити? – Спросил Алессандро. И я расслышала в его словах неприятную иронию.

– Что такого... Точнее, какого такого уровня власть у Ниэтель, что ей стоило бы позавидовать? – Вопросом на вопрос ответила я.

– Ну... У нас даже есть своя Конституция! – Ответил Алессандро.

Я поразмыслила, представив себе совсем небольших размеров виллу Ниэтель на Лазурном Берегу с десятком слуг при ней, и задала ему еще один вопрос.

– Зачем Конституция в небольш... то есть зачем нужно писать именно Конституцию для небольшой компании лиц, и без того объединенных... э-э... узами дружбы и взаимопонимания? Обычно в таких ситуациях достаточно коротенького статута, учитывающего наряду с задачами даже и свойства персоналий в коллективе. Конституции же пишутся... для стран! —

Мы вышли на ту часть Набережной, где был спуск к морю. Прямоком на пляж. Небо было иссиня-черным. Безлунная ночь накрывала этот красивый город, и горы, и море своим прохладным одеялом. Лишь неистово сияли звезды, отражаясь в зеркале воды...

– Узами дружбы? – Алессандро качнул головой и хмыкнул. – И я бы не назвал нашу компанию мал... небольшой. – Он спустился по лесенке, ведущей на песок, и галантно подал мне руку. – Дело в том, дорогая Савелия, что в тех мирах, с которыми у нас сотрудничество, митресс Ниэтель имеет... – Он на секунду замялся. – Она... то есть... ей принадлежит не компания, как вы сказали, а... армия, насчитывающая несколько миллионов прекрасно обученных бойцов. – Он кашлянул. – С техникой и оружием. Разбитая на подразделения и меющая четкую вертикаль команд... э-э... управления. —

Я тоже решила прокашляться, так как от сказанного Алессандро у меня в горле встал ком! Судя по его сбивчивой речи, он вообще не планировал мне это говорить. И заранее ничего не готовил. А если он не планировал это мне сообщать, но сообщил, то... то его нужно «разговорить» по полной. И мне пора включить в себе агента! Если это было правдой, – а я склонна была считать, что Алессандро не принадлежал к типу лиц, являющихся паталогическими фан-

тазерами, – если это было правдой, то тогда... тогда что? Да, что тогда? ... В общем, мысль же очевидная! Тогда во-первых, мне нужно было это все дело прибрать к рукам. И срочно! Это самое важное. И если кто-нибудь, вдруг, будет против моего главенства, ... делаем его другом. Лучшим и навечно! Одариваем и приближаем. Или, как Цезаря. Гая Юлия... Но, похоже, Нити именно это мне и хотела передать. А если нет? ... А если нет, то – нет! Мне Нити была дорога настолько, что я не подниму против нее восстания. Никогда! ... Во-вторых, конечно, здесь недостаточно Устава. Здесь нужна именно Конституция! Мультиустав. Многоплановый и многогранный, регламентирующий все сферы взаимоотношений. Это и есть Конституция! Поскольку армия, ... армада – точнее не скажешь, – которая не принадлежит одному миру, и солдаты, которые не принадлежат одному виду и подчиняются разному социальному устройству в своих мирах, у себя на родине... всех их можно было как-то объединить, имея только очень сильную Общую Идею. То есть это не просто армия, а некая надгосударственная и наднациональная структура. С такой могучей общей идеей, по сравнению с которой все прочие локальные национальные идеи, не производили бы ровно никакого впечатления! С поставками оружия и продовольствия, промышленностью, и так далее... Объединяющей это мультипротранственное общество в некий полноценный, живой организм.

Мне живо представилось это величественное действо. Авангарды с неожиданными стычками с врагом и арьергарды с бесконечными картами и вином, с ранеными, с госпиталями и полевыми кухнями ..., с «обозами», влачащимися за этой армией сквозь миры – чудная, фантазмагоричная картина! ... С... да, с гетерами, гейшами и прочими глупыми бабами, самозабвенно жертвующими собой в угоду идее войны... С передвижными театрами, клоунами и шутами. С несчастными солдатскими бастардами, рождающимися, растущими и умирающими так и не увидав в своей жизни ничего кроме грязи и пыли военных дорог! С вереницей могил, оставляемых за собою всей этой дивной процессией! ... Со старушкой Нити на самом верху! ... Вот, чем на самом деле руководила Митресс Ниэтель! ... Я это поняла, рассматривая собственные мысли как кино. Как поток внешних кадров. Как будто бы извне. И мне понравился такой способ мыслить! А еще... да, конечно! Так всегда бывает тогда, когда над твоим сознанием активно трудятся снаружи!

– Нити, блин! – Я выругалась полупшепотом по-русски, чтобы не смущать Алессандро и добавила грозно, обратив голову немного влево, в сторону от моего компаньона. – Хватит мне закладывать в голову лажу! – И еще парочку крепких выражений. Я не в Статике, а в реальном времени. И кто-то надо мной сейчас всю работу. Я, как агент, понимала это чрезвычайно отчетливо. Алессандро, конечно, ничего не понял, и деликатно сделал вид, что его не касается мой разговор самой с собой...

Мне стало понятно, что эта крошечная старушенция, пытавшаяся неуклюже извиняться передо мною всего лишь два часа назад, на самом деле была под стать Теодору. Президенты, Императоры или же Верховные Главкомы... Это только разные термины власти, доведенной до практического абсолюта. Когда тебе все мож... Все доступно ... «Власти от лукавого» – как сказала я Меридору Гелибе и как потом сказал мне Теодор, не зная того, что я эти же слова сказала Меридору раньше него на неделю. Некая тревожная мысль, очень похожая на внезапное прозрение, промелькнула у меня в голове, и я поэтому задала Алессандро еще один вопрос.

– А вы, Алессандро, к какому миру относитесь? В смысле, вы человек, или кто-то иной? —

– Я самайн. – Не задумываясь ответил Алессандро. – И к Италии не имею никакого отношения. Митресс Ниэтель меня спасла. Но это – очень долгая и грустная история, и мне бы не хотелось тратить время... ваше и этой прекрасной ночи на... на грустные истории! – Он улыбнулся.

– Я готова послушать! – Сказала я в надежде, что вместе с изложением своих воспоминаний человек «прицепит» к этому еще кучу всякой полезной инфы. Это же обычная психология!

– Да нечего особенно рассказывать. – Сказал Алессандро. – меня спасли из моего мира во время... В общем, спасли... Когда мне было приблизительно шесть месяцев от роду. Или около того... Митресс воспитывала меня как сына. Я рос при ней. Так что я, скорее, не мажордом, и не телохранитель... Она для меня... олицетворение моих погибших родителей. Хотя о них я узнал значительно позже. Кто они и чем занимались. Наводил справки. – Он на секунду умолк. – Вот и вся история! А вот вы, Савелия, бок-о-бок служили с моим папашей! – Тут его улыбка стала еще шире. – Но я не думаю, что должен проливать свет вам на ваше прошлое. Это... м-м... не входит в функции мажордома! ... Превышение полномочий! —

– А самайны, они ... —

– ... люди. – Закончил за меня Алессандро. – Просто в нашем мире люди называются самайнами. – Последовала улыбка. – У нас есть особые способности, но они не работают здесь на Земле... А так, во всем остальном, ничего необычного! —

– А эта армия ... —

– Она распределена по разным мирам и собирается вместе только там и тогда, где и когда требуется ведение полномасштабных боевых действий. —

– И... это часто? —

– Не так чтобы очень, но снизу нас изрядно достают. Кроме того, если наши силы не будут сдерживать орды голодных уродов из нижних миров, то здесь на Земле все рухнет и воцарится хаос! —

– Снизу, это... откуда? – Спросила я.

– Снизу – это снизу. Хотя, нет, конечно. Снизу – это такая фигура речи. Устойчивое выражение. Просто есть иерархия миров: от самого... э-э... крайнего с одной стороны, до самого крайнего с другой стороны. Визуально это лучше представлять в виде вертикали. Более привычно. Но, говоря «снизу» я, естественно, не имею в виду из-под земли! —

Мне тут же представилась эта многоуровневая система различных миров, как... некая звезда, которая устойчива лишь потому, что давление изнутри перегретой плазмы точно компенсируется силой гравитации, удерживающей эту плазму, не дающей ей разорвать все и самой при этом погибнуть. «На нас сильно давят снизу!» ... Да, это похоже на попытку вырваться наружу. В иные сферы и на иные поверхности иных, очень привлекательных миров! И если не будет «гравитации», роль которой играет армия, руководимая Ниэтель, то у тех, кто рвется к нам снизу, будут все шансы! ... И, конечно, вот она – сильнейшая идея, которая как раз и способна объединить вместе очень разные популяции... Угроза общего, тотального истребления! ... Однако, я знала и то, что любая звезда рано или поздно все равно взрывается, а плазма из ее недр уничтожает все планеты вокруг этой звезды! И жизнь на них... Перспектива, не поддерживающая оптимизма! ... Мы прошли молча метров двадцать. Мне было приятно и спокойно в обществе этого мужчины. Но требовалось еще очень многое у него узнать.

– И есть Главком? —

– Ниэтель. —

– Насколько я знаю ее, она весьма далека от военного дела! – Не унималась я. – Она типичный политик! —

– Ну, да. Но она именно Главком. Тот человек, кто принимает решения. А командиров великое множество! —

– И есть главный? —

– Конечно. —

Мы неспешно вышли почти на самую кромку воды. Здесь песок уже был влажный и плотный. Поэтому идти по нему стало намного легче. И, похоже, Алессандро понял, зачем я спрашиваю про Главкома. Я не могла упустить свой шанс взойти на такую высоту...

– Вы не составите мне компанию? – Спросила я Алессандро. – Я бы не прочь окунуться! Такая духота днем была! —

– Я лучше отвернусь. – Пробурчал он. – Мне поручено вас охранять! —

– Как угодно. – Фыркнула я и стала снимать с себя старомодное платье, которое мне подобрала Нити в этой локализации. Алессандро, как и обещал, наблюдал за берегом и Набережной, стоя ко мне спиной. Я повесила все, что сняла с себя, на его широкое плечо, как на вешалку и зашла по пояс в воду, обнаружив воду на редкость теплой и приятной.

– И как его зовут? —

– Кого? – Спросил Алессандро. Хотя, я уверена, он понял, кого я имела в виду!

– Вашего Главкома! —

– Главный архитектор сражений. – Ответил мой компаньон. По-видимому, он все же, прибегал иногда ко лжи...

– Я имела в виду его имя. – Настаивала я.

– Вам не понравится. – Услышала я в ответ. Поэтому я набрала полную грудь воздуха и ненадолго погрузилась в воду с головой.

– И все же ... – Сказала я, отфыркиваясь и протирая глаза от соленой воды.

Последовала долгая пауза, в течение которой я успела еще пару раз окунуться с головой и один раз поплавать на спине вдоль берега. Метров десять. Я даже подумала, что Алессандро решил быть неучтивым и не отвечать мне на мой вопрос! Но... такого быть никак не могло, и поэтому я ждала.

Время неумолимо шло. Пора было выходить на Набережную и двигаться обратно. Мы загулялись! ... Когда же я натянула на себя вновь свои нелепые одежды – прямо на мокрое тело, – то услышала нечто такое, что пробудило во мне мимолетную цепочку образов, извлеченных откуда-то из тайных хранилищ моей памяти. Однако, не вызвало ни малейшего удивления. Я была готова услышать что угодно, но это имя было первым в списке!

– Никто не знает его настоящего имени, а Митресс Ниэтель нам не говорит. Вероятно из опасения, что если нижние прознают, кто этот человек, то весьма просто смогут истребить его в прошлом ... – Услышала я слова моего спутника, и эти слова показались мне весьма правдивыми. – Хотя во всей нашей военной армаде – продолжал Алессандро, – этот человек известен под псевдонимом Токем Яю-Тай. —

– И конечно, все полагают, что это его настоящее имя? – Я криво ухмыльнулась. Но в темноте ночи это никто так и не оценил.

– Конечно. – Ответил Алессандро. – Ваш папа удивительно убедителен в своем... в своей должности. И на своем месте. —

– Но вы-то знаете, кто он на самом деле? —

– Конечно. Я ведь сопровождал митресс в Ялту тогда, когда она с вашим отцом встречалась на предмет организации вашего спасения. Это было пару недель назад. Я сразу его узнал. Как только он появился у нас в качестве Главкома. Но... я сам не знаю истинную временную локализацию вашего отца. Ни его подлинного имени тоже. Так что вряд ли мои знания могут быть полезны врагу, случись им меня «разговорить»! – Он улыбнулся и протянул мне свою руку, приглашая подняться по скользким от прибоя каменным ступенькам на Набережную Ниццы.

– Кстати, Алессандро, хотите знать происхождение этого имени и персонажа? —

– Кого вы имеете в виду? —

– Токема Яю-Тая. —

– А это именно вымышленный персонаж? —

– Да. И его придумал мой старший брат. В детстве он был одержим баталиями и сражениями. И у него, насколько я помню, была огромная армия самых разных солдатиков. Все было хорошо, но... А потом папа изобрел некий язык. Или код? Я точно уже и не помню. Хотя, рассматривая все случившееся тогда с точки зрения Агента по коррекции Истории, могу с уверенностью говорить, что папе внедрили данные об открытом им языке. Открытия такого

уровня лежат за гранью человеческой гениальности. Тут нужно видеть всю картину целиком. Как Менделееву его Периодическую Систему. Которую ему, кстати, тоже дали. Так вот на этом языке... точнее, в рамках этого языка имя Токем Яю-Тай означает высшую степень воинского искусства, или высший ранг. Предводитель всех юко-гойроят. —

— Кого, простите? — Переспросил Алессандро.

— Да я уже и сама не помню. Я в то время слишком мала была еще ... —

Мы выбрались, наконец, на твердую дорогу и бодро зашагали в сторону поместья. После испепеляющего дневного зноя прохлада ночи казалась чем-то вроде прогулки нагишом зимой!

— А брата вашего как зовут? — Спросил меня мой компаньон.

— Не скажу. Не обижайтесь! — Ответила я. — И он надежно укрыт во времени. —

Я посмотрела туда, куда нам предстояло подниматься, вверх по крутым улочкам вплоть до самой резиденции Ниэтель. И острое нежелание подниматься в гору пешим порядком отразилось в моей душе зеленой дымовой завесой, загородившей весь шарм от прогулки и купания. Мне решительно было жаль того времени и тех сил, которые неизбежно требовалось потратить на изнурительный подъем в достаточно крутую гору. И внезапно в голову мне пришла одна оригинальная идея.

— Алессандро, — обратилась я к своему спутнику, — как вы насчет того, чтобы... э-э... как у вас со спортивной подготовкой? —

Он, видимо не понял того, что я собираюсь ему предложить и промолчал, слегка качнув головой. Возможно он даже подумал о том, что я предложу ему понести меня на руках?

И тогда я просто побежала на подъем, все наращивая и наращивая темп. Это было жутко неудобно в почти бальном пышном платье и очень неудобной, жесткой обуви. Но мое чувство уверенности в своих силах... Нет, не вообще, а только сейчас. Локально. Только как блиц-криг. Только как атака роты солдат за взятие второстепенной высоты. Под стволами заградотряда... Как рывок Александра Матросова к вражескому ДОТу. Как героический порыв, который всегда насколько внезапен, настолько и великолепен в своем величии! Эта уверенность придала мне столько энергии и сил, что через пять минут Алессандро просто исчез из вида. Мой организм неожиданно что-то вспомнил. Какая-то мышечная память. А может быть и некие новые способности, обусловленные генетикой, о чем меня предупреждала Ниэтель? Не знаю. Похоже это была, все-таки, именно подготовка в прошлом.

Где-то на полпути я решила, все-таки, дождаться своего безнадежно отставшего спутника, сделав вид, что выдохлась. Мне просто очень не хотелось ущемлять самолюбие молодого мужчины, демонстрируя ему, что он слабее меня.

Он нагнал меня и сказал, переведя дух.

— О! Я не верил рассказам о вас. Но вижу, что... не все в легендах ложь! —

Я предложила ему свою руку, и он взял меня под локоть. А еще буквально через полчаса я уже грелась, закутавшись в невесомую шаль Нити в гостиной ее усадьбы. Алессандро, как и следовало ожидать, извлек из погреба еще одну бутылку такого же прекрасного напитка, как и тот, который у меня был на ужин. Но сам при этом наотрез отказался выпить со мной и, раскланявшись, ушел, сославшись на массу неотложных дел утром...

Которое, впрочем, уже почти наступило...

Глава 4. Алессандро

«Утро застало меня врасплох!» Фраза весьма затертая, но хорошая. Правильная фраза. Очень подходящая для начала неудачного дня!

Я медленно приходила в себя. Слишком медленно. Конечно, не стоило пить почти две трети бутылки вина перед тем как уснуть! Даже такого превосходного вина, каким меня угостил Алессандро. Тем не менее, ощущение «перебора» или отравленности у меня присутствовало в изобилии. «Пора завязывать с... вином по ночам!» – Решила я.

Я определила расфокусировавшимся зрением, что по прежнему нахожусь у себя в комнате на вилле Ниэтель, а через распахнутое окно до меня доносятся чьи-то довольно громкие голоса. Кто-то с кем-то спорит... Мужчина и женщина. В мужском голосе я достаточно быстро определяю голос Алессандро. Женский? ... Женский голос мне знаком. Я бы даже сказала, хорошо знаком. И он будит во мне... Нет, не воспоминания. Ностальгию. Да. Пока это только ностальгия! Но кто ее носительница? Мне не понятно! Я сейчас чувствую себя принцем Корвином, однажды очнувшимся в частной клинике...

Вяло, вяло, вяло и тягуче-протягуче, словно льющийся из банки липовый мёд, тянутся мгновения понимания ситуации. Как тогда, в глубоком детстве... Был очень яркий солнечный день... Как сейчас... Мне... не помню уже. То ли десять лет, то ли двенадцать? ... И этот мёд. Да, именно липовый, который моя бабуля наливает... моей маме. Вот она опрокидывает огромную трехлитровую банку и держит ее над... над чем? Ах, да. Над банкой поменьше. Ей очень трудно держать такую тяжесть на вытянутых руках. Но процесс уже пошел, и они обе смеются, а мед так еще и не... Когда же это было?...

– Не стой у меня на пути, самайн! – слышу я женский голос, который теперь почему-то содержит жесткие нотки. И этот голос очень, очень знаком. – Ты совсем такой же невыносимый, упрямый солдафон, как и Сарфат! Меня сюда вызвали не для того, чтобы жариться в этом знойном каменном колодце! —

Я бы, наверное, на месте Алессандро обиделась на такой явный «наезд». Но Алессандро не зря занимает свою должность при дворе Ниэтель!

– Пока она спит я вас к ней не пушу! – Спокойно, но решительно отвечает ей Алессандро.

«Так. Все! Пора вставать, собирать себя в кучку и приниматься наводить порядок. Пока никто не пострадал!» – Решаю я и невероятным усилием воли заставляю себя сесть на кровати. Со все еще закрытыми глазами – «Все же, пора прекращать пьянство на ночь!» – Снова решаю я.

Наконец, глаза мне удастся открыть. С невероятными какими-то усилиями. На улице мужчина и женщина продолжают оживленно спорить, хоть уже и не на повышенных тонах.

– Ты в точности как твой отец! – Говорит женщина уже совершенно спокойно. – Только Торха рядом нет! —

– Мне все равно, что вы обо мне думаете! – Так же спокойно отвечает ей Алессандро.

«Торха?» – Вспоминаю я чье-то знакомое имя. И вдруг вспоминаю, что это собака такая. Очень большая и очень страшная собака! И что я когда-то от нее спасалась, от эт... А Сарфат ее приручил.

Обрывки мыслей в проблесках зажигающегося сознания так же отчетливо видны, как и пылинки в воздухе комнаты на ярких потоках солнечного света, льущегося из окна. Эта красота завораживает. Я смотрю на этот свет не в силах пошевелиться... И точно так же, никуда не исчезая и не видоизменяясь, висит в моем сознании образ адского пса Торха... Лес. Чья-то вилла, или загородный дом. Люди. Я помню их имена Тали, Сарфат, и... нет, больше не помню. Ах, да. Еще Влад, Марк и... Кто-то еще, очень важный для меня... Неожиданно это состояние меморегрессии пропадает без следа!

Я осматриваюсь вокруг и без удивления обнаруживаю рядом со своей кроватью все ту же папину трубку, коробку с табаком и недопитую бутылочку вина. Это хорошо! Я выпиваю глоток прямо из горлышка, поскольку вижу в своем бокале погибшую от беспробудного пьянства муху. Она, в отличие от меня, пила всю ночь в таком объеме, что, конечно, ее мушиное сердечко не выдержало! ... И поэтому я пью из горлышка еще два глотка. Больших. Потом набиваю трубку и пытаюсь ее раскурить. Мои попытки «растянуть» отсыревший за ночь табак более напоминают нежные поцелуи, которыми я одариваю наконечник можжевелевого мундштука...

– С каких это пор, Сава, ты начала курить эту гадость? – Слышу я с улицы довольно громкий женский голос. Но мои голосовые связки еще спят и видят сны...

– С университета! – Осипшим голосом отвечаю я ей, еще не понимая того, что ни видеть меня, ни учуять запах дыма, который еще даже не образовался, она, очевидно, не может! – И это вовсе не гадость, а лучший Болгарский Табак! – Добавляю я вполголоса, даже не надеясь на то, что кто-то это услышит. Потом до меня это доходит вместе с начинающим проясняться сознанием. Поэтому я допиваю вино залпом. И наконец-то глубоко затягиваюсь! «Если бы я писала обо всем этом книгу» – Думаю я про себя, – «то она никогда бы не была издана. Из-за обилия сцен курения табака, а так же самого бессовестного и самого неприличного винопития!» Впрочем, это всего лишь шальные мысли, словно шальные пули, неизвестно откуда прилетевшие, ранят меня. Как писателя и военкорра Гайдара, случайно поднявшегося на железнодорожную насыпь. («Причем здесь Гайдар? Каким образом он прикреплен к архиву воспоминаний о совершенно ином времени, совершенно ином мире и совершенно иных людях?» – Думаю я параллельно с основным потоком мыслей.) Ах, да, вот же она, аналогия! Как... Да, так же как и Сарфата пронзила нечаянная, шальная стрела... В совершенно ином времени. В моем прошлом. Обрывки воспоминаний, как картинки из бульварной книжки с комиксами висят у меня перед глазами... И вот картинка, на которой Сарфат лежит на траве и ловит ртом воздух в тщетных попытках вздохнуть, а из сердца у него торчит небольшой кусочек остроотточенного дерева ... «Все-таки память – самая удивительная вещь!» – Опять приходит мне на ум. Она удивительно ассоциативна и математична. Потому что если нечто не ассоциативно, то это никак не может быть математикой. Ассоциации, внезапно пробуждающиеся у тебя в сознании, цепляются друг за друга, как... Да! Именно так, как бабка за внучку, внучка за Жучку, ... Или как любой другой имплицативный процесс. И вытаскивают на Свет Божий весь архив. Всю репку. Всю упаковку информации, о которой ты и думать забыла! Мне опять же приходит ассоциация с принцем Корвином, бесчеловечно ослепленным своим братом, но в полной темноте своего заточения вновь отравившем себе новые глаза, и вновь увидевшем свет! Сейчас я чувствую себя абсолютно так же. И как к Корвину внезапно вернулось зрение, так ко мне внезапно возвращается моя способность видеть прошлое, моя утраченная память. Да! Память возвращается! Воспоминания, словно вода, протачивающая брешь в плотине, мало-помалу, но все ускоряясь приходят ко мне. И для этого мне даже не приходится проходить Великий Лабиринт Амбера. Мою память во мне пробуждает этот женский голос. Поэтому я обращаюсь к Алессандро, все еще продолжая сидеть на кровати.

– Алессандро? – Пытаюсь крикнуть я и начинаю кашлять.

– Да, моя госпожа! – Кричит мне с улицы Алессандро.

– Пропусти Тали Эл-Нан ко мне! Я уже не сплю! —

– О! Наконец-то! – Ворчит на улице женщина.

«Кто она такая, эта Тали Эл-Нан?» – Задаю я сама себе вопрос. – «И почему я вспомнила как ее зовут?»

Я успеваю накинуть на себя легкий шелковый халат, как двери в мою опочивальню открываются и в нее заходит невысокого роста красивая и шуплая рыжая девчонка... Очень рыжая! Которую я совсем не помню... Слишком молодая, чтобы называть меня на «ты». Она улыбается мне с порога, обнажая при этом изящные, короткие клыки. Причем верхняя пара клыков

у нее немного выпирают вперед. И поэтому ее лицо выглядит еще смешнее! Но тут она протягивает ко мне руки и весело восклицает.

– Обнимашки?! —

– Конечно, обнимашки! – Хмуро отвечаю я ей и встаю с кровати. Внезапно находит головокружение, но я с ним справляюсь!

В дверном проеме я замечаю Алессандро, стоящего за спиной Тали, и... о, Боже! Кажется там еще и Эльми маячит в конце коридора! Они что, собрались прямо с утра разобрать меня на сувениры? Внезапно большие напольные часы с медными гириями в виде сосновых шишек, которые стоят в моей комнате, начинают мелодично, низко и очень тихо «отбивать часы», и я понимаю, что уже ни фига не утро, а разгар дня! Время перевалило далеко за полдень. Уже зной, время сиесты! И поэтому все такие нервные!

Рыжая девчонка подбежала ко мне и сжала в неожиданно сильных объятиях. И я почувствовала, как что-то очень родное, словно поцелуй матери в детстве, коснулось моей души! Боже! Сколько невероятного тепла от нее исходит! Я чувствую в себе неожиданный прилив сил. Такой мощный, как после тонны анаболиков! И тут я вспоминаю, кто такая Тали и как духовно близки мы с ней были... Миллион моих долбанных лет назад... И какие еще неожиданные секреты из своей биографии я вспомню? Внезапно на глаза наворачиваются слезы. Но то счастье, которое закачала в меня Тали не дает мне разреветься!...

– Ты стала какой-то... очень большой, и я... я не могу тебя заполнить! – Говорит она мне. – И ты чем-то ... – Она смотрит в сторону пустой бутылки, а потом с укоризной на меня своими ярко-зелеными глазами, и в ее вертикальных, кошачьих зрачках, прослеживаются беспокойство и... ревность. – И совсем чужая! – Грустно выносит она свой вердикт.

Я молчу. Сейчас мне еще нечего ей ответить! Я еще не все помню о том, кто она такая, но то, что она не человек и вполне способна в одно касание руки разобрать твоё тело на субатомные частицы, это я помню! А еще я очень хорошо помню того толстого, неопрятного мужика в рубаше навыпуск, в каких-то неглаженных, вылинялых штанах, который, улыбаясь, стоит в дверном проёме!

– Эльми! – Обращаюсь я к нему, аккуратно отстраняя от себя Тали. – Ты здесь из какого потока? До наших посиделок в дирижабле, или после? —

– Значительно «после»! Привет! – Говорит мне Эльми. – У него там нет часов. Во всей Империи. Ни одних. Он ненавидит время! Своим самым первым Указом после восшествия на трон он убрал все хронометры! Запретил. Говорит, что Бог живет вне Времени! ... Идиот! Но по субъективке, месяца три-четыре я у него там промаялся! А потом... В общем, я оттуда сбежал! —

– Откуда? – Спрашиваю я его.

– «Что ты, ннах, уснул в штаннах?» Не тупи! – Говорит Эльми. О! Это хамство у него в крови. – Из его Империи я сбежал! Он мне не верит. Максимально обложил охраной. Нет доступа ни к чему вообще. И ни к кому! Ни тебе баб, ни... Никаких контактов! И все из-за этого его досье... Я так не могу. Не умею! И потом... я все равно уже приговорен! Раньше или позже ... —

– Сочувствую. А я там есть? —

– Я не должен... Есть, конечно! Жива и здорова. При должности, и сильно всех достал. – Говорит он. – Зато я в бегах! —

– Но ты же понимаешь, что для Тео найти тебя здесь задача пустячная! И нас всех вместе с тобой накроют! А потом опять Пляж... Только на этот раз уже всерьез и навсегда! – Говорю я ему, попыхивая трубкой.

Эльми протягивает ко мне руку, бесцеремонно отбирает у меня мою трубку и засовывает ее себе в рот. Затягивается. Кашляет. Алессандро смотрит на него с ярко выраженным удивлением.

– Не найдет. – Говорит мне Эльми, выпуская, как паровоз, клубы дыма через волосатые ноздри. – Не сейчас. —

– ? – Задаю я ему вопрос кивком головы.

– Я... То есть мы с Ниткой и ее компаншкой, – говорит он, опасливо взглянув в сторону Алессандро, – мы его загрузили по горло работой! Ему сейчас нужно будет спасать собственную жопу! А не о нас думать! – Он ухмыляется. – Дадут мне сегодня чего-нибудь выпить и пожрать, или нет?! —

Я в течение секунды-другой понимаю, о чем говорит Эльми. И от этого мне становится так жутко, что будь у меня короткая стрижка, то волосы у меня на голове определенно торчали бы торчком! Я понимаю, что я понимаю все именно так как оно есть, но все же спрашиваю.

– Вы развязали войну? —

– Да. – Говорит Эльмуальд.

– С Теодором? —

– Да. —

– Вы что, долбанулись головой об пол?! Тра-та-та-та-та-та-та! – Рычу я ему в лицо отборным матом. Эльми смотрит на меня без эмоций. Его матом не пронять. Тали за моей спиной тяжело, прерывисто вздыхает. «Я так и знала!» – Слышу я ее шепот. Алессандро замирает на месте с открытым ртом.

– Да. – В третий раз говорит мне Эльмуальд. И тут откуда-то из-за его спины и из-за спины Алессандро, из глубины коридора, я слышу низкий, скрипучий голос.

– Да нет же! Но нам ничего иного уже не оставалось! И ради всего святого, Дитя, не нужно так шуметь! Мы же не в казарме! —

Конечно, это Нити! Она ковыляет к нам, прихрамывая и шаркая ногами. Все в тех же вчерашних шлепанцах. Во что они меня втягивают?! ... А ведь вчера так хорошо все начиналось!

– Что? Нити, как это понимать? – Говорю я, забирая свою курительную трубку из руки Эльми.

– Мы переадресовали... э-э... перенаправили всю мощь и злобу Нижних Миров на Империю Теодора. – Говорит Ниэтель. – Он, как ты помнишь, мечтал о внешних врагах! Меня эта идея занять его любимым развлечением сильных мужчин посетила еще тогда, у него в дирижабле... Теперь какое-то время, пока он их не истребит под ноль, ему будет не до нас! А там ... – Она делает многозначительную паузу и разводит руками. – Мы конкретно с ним не воюем! Но наших врагов натравили на него. Точнее, даже и не натравили, а... просто открыли Нижним то, что есть некая дивная страна, где все возможно. Как говорится, «слили инфу!» Ну и как туда попасть... И по прежнему делаем вид, что мы его друзья! Вот так! —

Я стою, тупо глядя сквозь людей на линии моего зрения и никак не могу поверить в то, что уже проснулась!

– А ничего, что я в той дивной стране теперь Верховный Канцлер? – Мямлю я тихо и обреченно. Но тут Нити говорит.

– Это ничего! Тео с ними либо разберется, либо... поладит. В любом случае он выпустит пар и временно забудет о том, что ломать собственное прошлое – это... как бы сказать, даже не самоубийство, а самоубийство сотягчающими... Стол накрыт на веранде, в саду. – Говорит она. – Так что собирайтесь все, и пойдем обсудим... это все там. Там прохладнее! —

Алессандро остается в моей комнате навести порядок. Быстренько убирает засохший стакан с мухой, крошки, пустую бутылку и исчезает в недрах усадьбы. А мы неспеша движемся вслед за Нити туда, куда она нас ведет. Однако, впереди всех почему-то идет не она, а Тали.

В самом конце коридора, рядом с дверями в туалет, стоит молодой слуга, который со мной вчера разговаривал во дворе, когда я нечаянно туда вышла. Он ожидает нас. И когда мы все подходим к нему, Ниэтель обращается к нему на итальянском.

— Ignoseo, ci porta nel giardino! (Игносио, выводи нас в сад!) —

Игносио прислоняет руки к ажурному гобелену, закрепленному прямо на стене, и... гобелен исчезает. Вместо него появляется почти квадратный проход, радужный, переливающийся, со скругленными углами, и Тали входит в него первой. Ниэтель стоит рядом со мной и Эльмуальдом и говорит.

— Яна, дорогая, поспеши. Потому что проводник тратит очень много сил на поддержание портала. Эльми, ... давай, не ссы! — Добавляет она абсолютно ровным тоном. И толкает внезапно вспотевшего Эльмуальда в этот, не знаю даже как это назвать? ... В портал. Эльми исчезает, а вслед за ним туда шагает и Нити, крепко сжимая мою руку. Я делаю шаг вслед за ней и мгновенно оказываюсь в... заснеженном саду. Я ступаю в шлепанцах по снегу, которого сантиметров пять, и не могу поверить своим глазам. И тут же вспоминаю сцену из какого-то древнего фильма, в котором две бабы дрались на мечях в японском саду, и одна другой снесла начисто макушку со скальпом. «Все же мне определенно нравится ее Безвозвратный Период!» — Думаю про Ниэтель, наблюдая за тем, как на снегу бежево-коричневого оттенка сидят две огромные бабочки.

— Мы в... параллельном ... — Начинаю я, но Нити меня прерывает.

— Нет, дорогая, в смежном мире. Если проводить геометрическую аналогию, то все смежные миры скорее перпендикулярны друг другу, а не параллельны! Собственно, этот мир просто продолжение моей усадьбы в Ницце. Здесь все такое же, как и у нас на родине, даже топография местности практически такая же, но точка замерзания воды смещена на двадцать пять градусов в плюс. И поэтому снег, конечно, не тает в то время как ты можешь гулять тут нагишом! —

Я оглядываюсь и вижу как Игносио захлопывает за собой портал, присоединяясь к нам с нашей стороны. Нити мне говорит.

— Игносио — Проводник. Это очень редкий дар! Среди людей. —

Но я это понимаю уже и сама. И тут же вспоминаю, что знала таких же людей раньше!

— Расскажи о том как это происходит! — Говорю я Нити, пока мы неспешно шагаем по теплomu снегу. Нити кивает куда-то вперед и говорит мне.

— Тебе расскажет физику процесса вон тот молодой мальчишка! — Сказала мне Нити и мило улыбнулась.

Я смотрю в направлении ее кивка и замечая, что метрах в двухстах от нас, рядом с добротным бревенчатым срубом, отдаленно напоминающим мне раскольниковый скит, сделан навес, и там две фигуры. Но кто они я пока не могу определить.

— Очень талантливый мальчишка! — Добавляет Нити.

— Нити, это все ... — Я жестом показываю на окружающий нас мир в ярких бежево-голубых тонах.

— Красиво? — Спрашивает она.

— Да. Я никогда не сомневалась в изысканности твоих вкусов, но — говорю я ей, — я не об этом! —

Нити все понимает и говорит.

— А! Нет, это — не магия. Это физика. Просто есть масса вещей, очень похожих друг с другом по внешним признакам! Помнишь, в четырнадцатом веке за что сжигали на кострах? — И продолжает еще через несколько шагов. — Магия начинается там, где... э-э... Ты не забыла, о чем мы говорили вчера днем? —

— Конечно нет. — Отвечаю я. — О пространствах с нестационарными законами. —

— Да. Так вот. Когда законы видоизменяются под действием, точнее в связи с влиянием Кардинали, которая так сказать «держит» весь этот мир, то это, очевидно только физика. Никакая не магия. А вот гораздо ниже, там, где кардинали можно создавать и, стало быть, миры, с помощью лингвистических потенций, называемых заклинаниями, либо же с помощью определенных технологий, которые еще называются обрядами, вот там уже магия! То есть

магия начинается там, где в физику вмешивается сознание. Причем, вмешивается напрямую и совершенно осознанно. Но это... отсюда функционально, не в пространственном понимании, а именно функционально очень далеко! Те миры отвратительны и жестоки! Я там бывала. – Она на секунду замерла, проваливаясь в собственные воспоминания, как в омут, и сказала. – Женское любопытство! ... Вкупе с любознательностью исследователя! Мы сейчас примерно рядом с миром самайнов. Хоть и намного ближе к дому. Ты мне лучше вот что скажи. Тебе вчера Алессандро много поведал? —

Я понимаю, о чем речь, и говорю.

– Не много. Но достаточно, чтобы понимать проблему! И... Нити, как давно ты не выходила в Орто время? – Говорю я, припомнив свои странные ощущения этой ночью на пляже Ниццы. – Это не ты случайно работала надо мной вчера, когда я купалась в море? —

– Боже мой! Конечно же нет! – Воскликает Нити, и я замечаю в ее голосе неподдельную искренность. – Я по ночам только э-э... борюсь с бессонницей! С чего ты взяла? —

– Очень яркие, статичные образы. – Говорю я. – Это совершенно... хм-м? ... Это же мой стиль работы! Очень похоже. Поэтому я и заметила! —

– Но... Значит это ты и есть. Наваяла сама себе. – Говорит Ниэтель. – И, кстати, что? —

Я от удивления даже останавливаюсь на секунду. Такое в самом деле возможно! Почему бы и нет? Выходишь к себе самой и... работаешь. Это если ты не хочешь, чтобы ты сама себя видела воочию! А я именно очень не люблю видеть себя саму вживую со стороны. Почему-то мне это всегда неприятно. Следует, однако, признать, что эффективность такой работы по внедрению весьма высока, поскольку, очевидно, дзета-совместимость максимальна! Психика-то одна и та же! ... Либо есть еще вариант...

– Но есть еще вариант, – внезапно говорит Ниэтель, как будто прочитав мои мысли, – когда ты саму себя должна срочно предупредить... в какой-то момент своей истории... и при этом не хочешь, чтобы это... видели... слышали ... —

И тут мы обе останавливаемся, смотрим друг на друга и синхронно шепчем.

– Алессандро! —

Все же, что ни говори, а организаторский талант – великое дело! Тут главное правильно определить приоритеты выполнения задач. И у талантливого руководителя это вообще не занимает ни времени, ни творческих ресурсов. Нити поворачивается в сторону Тали и говорит.

– Тали, бегом сюда! – Эмпат оборачивается к нам лицом и быстрым шагом идет в нашу сторону. Сразу же вслед за этим Нити смотрит на Игносио, который уже совсем рядом с нами и теперь уже говорит ему.

– Игносио, дорогой, возвращайся в дом и под любым благовидным предлогом пригласи Алессандро к нам. Он нам нужен здесь и сейчас! И это срочно! —

– Мне пробить портал прямо здесь? – Спрашивает Игносио.

– Да! – Говорит Нити. – Не нужно возвращаться в исходную точку и тратить время на... на прогулки по этому дивному, заснеженному, летнему саду! —

И пока Игносио занимается порталом Нити говорит нашему эмпату.

– Тали, дорогая, ты не замечаешь ничего странного в сегодняшнем поведении Савелии? —

– Конечно! – Отвечает Тали. – Но я ее не видела слишком долго. Я не знаю что теперь является для нее... э-э... странным? —

– Сколько по... То есть сколько времени в твоём потоке прошло с того момента как вы расстались? —

– Сложно сказать. – Говорит Тали. – Я пребывала в разных рукавах Великой Реки и даже в разных октантах! Но приблизительно лет около тридцати. Я ведь была у себя и в Обители. В той, которая в Юрском. На Земле время течет с другой скоростью. И еще много где. —

Нити молчит. А у меня с мыслями сегодня совсем как-то скудно! Потом Нити говорит, обращаясь ко мне.

– Яна, что ты ела и пила вчера и сегодня? —

– Только вино. – Говорю я. – А еды вообще никакой со вчерашнего ужина. —

– Да. Но ужинали мы вместе. – Говорит Нити. – Так что ужин не в счет. —

Потом она обращается к эмпату.

– Ты можешь снаружи определить, что находится у нее в крови? —

– Конечно! Я не буду ее вскрывать! – Отвечает Тали с улыбкой. – Это... Не сложно. Я еще там, в комнате определила состав. Но я полагала, что это в вине или в еде было намеренно, легально. —

– Что «это»? – Спрашивает Ниэтель.

– Полынь, чистотел и совсем чуток беладонны. – Говорит Тали. – А так же микродоза сложного органического вещества, которое в этом времени еще не синтезируется. Очень ядовитого. —

– Что?! —

– Дифторат 4-полифенола натрия. – Моментально произносит Тали. – Но это могло быть и в табаке, который она курит. Это абсолютный синтетик. В природе это вещество технологически появиться не может. Действует угнетающе на ЦНС... Почки, печень, зрение... Я подумала... раз она курит, то возможно, ... это ее... кхм, ... потребность? Дело в том, что этот полифенол – легкий наркотик. Наподобие некоторых зепамов. И он вызывает устойчивое, хоть и излечимое привыкание. Как и все зепамы! —

– Откуда ты это знаешь? – Спрашиваю я у Тали. А она смотрит на меня так, как мать на маленького ребенка. С какой-то любовью и жалостью, и говорит.

– У меня это в природе. А... А то, чего у меня нет в природе, я восполняла образованием. – Потом подумала и сказала. – В Ивановском Химтехе... Митресс меня туда отправляла в приказном порядке... в командировку! —

Я понимаю, что очень многое пропустила за миллион лет собственного потока. Пока жила в Ортовремени и была на службе в Конторе. А Нити все это знала. И никак не проговорила ни разу за нашу долгую с ней... долгие отношения начальника и подчиненного.

– То есть, – говорит Ниэтель, – этот состав из трав и наркотика не был призван Яну отравить? —

– Кого? Саврика? – Спрашивает Тали.

– Саве... да, ее. —

– Да нет, конечно! – Воскликает эмпат. – Этот состав должен был по идее заставить ее проспать пару суток. Не меньше. И только! —

– Пару суток? – Переспрашиваю я.

– Ну, учитывая твои нынешние габариты ... – Говорит Тали и улыбается. – Учитывая вес и привычку пить на ночь ... —

– Тали, можно без намеков? —

– А, да! Конечно. Можно. Пару суток. Как я и сказала. И выпитый тобой на ночь алкоголь учетверил действие этого зепама и трав. – Сказала она. – Так что, да. Пару суток! —

– Нити, – говорю я, – какую подготовку – организаторскую или военную может провести Алессандро именно за пару суток? —

– Все, что угодно. – Спокойно ответила Ниэтель. – Если он нас предал, во что я категорически не хочу верить, то все, что угодно. И даже не за пару суток, а за гораздо меньший п... меньшее время. —

– Тогда я поставлю вопрос по другому. – Говорю я. – Что... Точнее, на что, на какую работу Алессандро может потребоваться такое время? —

Нити только качает головой. Понятно, что любой ответ или прогноз сейчас является просто гаданием на кофейной гуще. У нас слишком мало информации.

– Только на нечто глобальное! Но... Я не могу поверить, что он слинял! – Скрипит Нити и вздыхает.

В этот момент возвращается Игносио. В двух шагах от нас. Портал возникает резко и с хлопком, напоминающим хлопок от вскрытой бутылки Шампанского. «Разница атмосферных давлений, вероятно.» – Думаю я. Игносио протягивает Низтель какую-то бумагу и говорит.

– Его нигде нет. Это... эту записку мы нашли в его кабинете. Она – для вас! —

Нити берет у него бумагу, разворачивает и хочет прочесть, но, вероятно, очков для чтения у нее с собой нет. Поэтому она протягивает бумагу Тали и говорит.

– Прочти, милая! —

Тали разворачивает пергамент серого цвета и мы слышим высокий, нежный ее голос, читающий от имени Алессандро.

– «Дорогая, моя любимая Митресс!

Спасать мир людей, их цивилизацию, принося в жертву все остальные смежные миры, включая и мой родной дом, это то, чему я не могу дать определения! У вас, в вашем мире так поступали те, кто потом был объявлен вне закона, вне морали и даже вне времени. Это – фашизм.

Ты для меня все, все, что я имею, знаю и люблю! Ты заменила мне моих родителей и любила как родного сына, и мне этого не забыть. Но в настоящее время я не могу преступить те внутренние заповеди, которым ты же меня и учила!

Поэтому я ухожу. Я не уйду к врагу и не выдам секреты. Просто я больше не могу принимать участия в грядущем разрушении того, что я люблю. И видеть, наблюдать гибель существ, которые мне не менее дороги, чем и люди!

Я очень тебя люблю. И в такой же высокой мере проклиная и ненавижу все то, что ты вознамерилась сделать! Слышишь? Ненавижу!

Твой Алессандро.

P.S. Передайте Савелии, что она мне глубоко противна в ее плохо скрываемом стремлении к власти. И совершенно не оправдывает тех легенд о ней, на которых выросло не одно поколение самайнов! Пусть проспится!»

Число. Подпись. – Сказала Тали и умолкла.

Полагаю, и я, и Низтель, мы обе чувствовали себя совершенно одинаково. Как люди, только что выловленные дуршлагом из нужника. Алессандро искупал нас в таком отборнейшем дерьме, что... А самое поганое... самое обидное было в том, что он был стопроцентно прав!

Глава 5. Лис и другие

«Страх – это вера в плохое! Никогда не поддавайся ему!» Эти слова, сказанные одним плененным христианином своему товарищу, так же навечно обрученному с медными кандалами и прикованному к стене камеры пыток в одном из ходов подземелья, в стороне от арены Колизея... Эти слова были мною подслушаны в тот момент, когда я на минутку выходила перевести дух. Из ортовремени в системное. Прямо у них в камере. Потому что мой костюм для перемещений в ортовремени герметичен. И на тот момент в нем закончился автономный кислород. Весь. Мне приходилось, как мы говорим, «выныривать» в системное время просто для того, чтобы хватить ртом побольше воздуха, отдышаться, и снова уйти в ортовремя. Вот и сейчас я уже во второй раз выходила к ним в камеру. Но они меня не видели. Да и не могли видеть. К этому моменту у них уже давным-давно отсутствовали их глаза. Второй узник почувствовал мое внезапное присутствие рядом и настороженно произнес «Кто здесь? Это опять ты, нечестивый Савл?» А я тогда, переведя дух, опять нырнула в ортовремя. Просто они не должны были общаться со мной вживую ни при каких обстоятельствах в том времени, которое пронизывает Историю. Я была там, у них в камере, с миссией по коррекции. И моей задачей было сказать именно этому пленнику некие слова. Не допустить пагубной хулы и не дать ему предать по слабости свою веру. Сразу скажу. Делала я это абсолютно незаконно. Согласно Эдикта о Конфессиональном Невмешательстве, существующем у нас в Конторе, никто не мог напрямую вмешиваться ни в какие религиозные вопросы. Это правило существовало задолго до того как я пришла туда на службу. Но христианка во мне говорила иное и всякий раз подвизала делать глупости и совершать ошибки. Вот и сейчас я сказала – «Не ругай Савла!» Я шепнула ему это в... в остатки его ушной раковины. Шепнула максимально тихо, ибо даже легчайшее дуновение в ортовремени могло отразиться ураганным ветром во времени системном, в том, в котором пребывали эти двое, и в том, в котором и создается История Мира. «Не ругай его!» – Повторила я снова. – «Савл призван Господом Иисусом на служение Ему! Сейчас он, как и ты слеп, ибо потерял свои глаза от невыносимого сияния Славы Божьей, когда узрел воочию Христа! И сейчас Савла больше нет. Есть Павел. Он родился в руках Господних из той человеческой глины, что раньше именовалась Савлом. Теперь он Павел. Так его зовут. И ты вскоре встретишься с ним здесь, в столице. Как со своим братом!»

Я заглянула в его внезапно расширившиеся зрачки и поняла, что моя работа выполнена. Можно было уходить домой, в Оффтайм. Я приготовилась открыть лаз в «рукав», протянутый во времени и пространстве прямо из нашей Конторы внутрь этого жуткого места, но вместо этого внезапно остолбенела. Потому что меня саму ослепило сияние настолько мощное, что у меня самопроизвольно закрылись глаза. Однако, тот образ, который успел отразиться в моих глазных яблоках, был... он соответствовал... в общем, это был Ангел. Именно такой, какими мы их видим на изображениях. С той лишь разницей, что он вселял в меня одновременно невероятный страх и трепет, парализуя меня целиком. Я не в силах была пошевелиться и даже дышать! И тогда я услышала некий язык, не похожий ни на один из тех, на которых говорят люди, но при этом очень понятный. Мне было сказано несколько кратких слов, но тот смысл, которые они в себе несли, мог бы быть вполне выражен только средствами небольшого рассказа! Насколько емкими были понятия, которые я услышала и которые мне почему-то были абсолютно доступны к пониманию. Если кратко, то смысл сказанного этим Посланником сводился к следующему.

– Христианские мученики – это вспаханное и засеянное поле Господа. Возделанное Им Самим. Это та Его пшеница, которую ни взращивать, ни тем более убирать вам, смертным, не дано! Никогда больше не вмешивайтесь в Промысел по вашей прихоти и исходя из ваших благих намерений. Поскольку ваши благие намерения по сути, не благи. Ибо вы не видите кар-

тину мира целиком. Ваши благие намерения не благи даже в вашем родном периоде истории, не говоря уже о прошлом, в котором вы не живете и которое вы не понимаете. Уходи и обо всем Расскажи другим. Все ваши попытки по вмешательству в судьбы Свидетелей Христовых в дальнейшем будут мною безусловно пресекаться! – Голос Его умолк, но картинки, которые еще несколько мгновений посылались напрямую мне в мой мозг, они, эти картинки, не оставляли ни малейших сомнений в отношении истинности сказанного Посланником! И это было жутко. Потом исчез и сам Светлоликий Ангел, но напоследок я услышала еще. Эти слова были сказаны им на русском языке и совершенно без какого-либо акцента!

– Да. Страх – это вера в плохое. Вера в неизбежность наступления чего-то крайне для тебя нежелательного, неприятного или губительного. Как и сказал наш брат. Никогда не поддавайся страху! – И клянусь, в последнем предложении, сказанным мне Посланником, содержались нотки иронии! Я представила себя, беспомощную и перепуганную насмерть, стоящую в этом нелепом костюме для работы в ортовремени, в камере пыток, в Древнем Риме. За две тысячи лет до моего рождения и в пяти тысячах километров от моего родного дома... Немая сцена в театре абсурда! ...Тогда мне стала понятна вся безнадежность того, что мы делали! Да, вероятно можно как-то влиять на Историю мира. Но... Но... Существовали силы, которые вершат все по своему. А ты... как раб у господина, довольствуешься лишь крохами той мощи и... той власти, которую тебе никогда не позволят иметь в объемах чуть больших наперстка!

Через час я была с подробным и очень покаянным докладом у Арти. Побывав до этого с отчетом у своего босса – Ниэтель Футон. Нити, вопреки моим ожиданиям, тогда не устроила мне разнос. Но лишь сказала, чтобы я начала думать головой, а не... Да. А вот шеф...

Меня отстранили от Коррекции и сослали в средневековую Европу наблюдателем. Должность, прямо скажем, самая ссыльная! Тогда мы всю искали некоего субъекта по имени Тессей. Тщательно затерявшегося во времени и идеально заматающего следы. Для командира «семерки» такое положение означало крах всякой карьеры, граничащий с изгнанием. И почти на тысячу лет собственного времени я выпала из активной работы нашей организации. Вот так... Пока случайно не обнаружила... этого Тессея... И тот случай помимо крайне негативных последствий для моей карьеры, имел так же и положительное значение. Я поняла две вещи. Во-первых, я поняла то, что мы ничем не управляем. А во-вторых, то, что я... я грубо нарушаю Устав нашей конторы, который прямо запрещает человеку быть верующим. Вот так. Я, в отличие от моего отца, который всегда прямо отрицал существование Бога, в Бога верила и верю. Но набожностью никогда не отличалась. В то же время... если бы на моих глазах стали рушить храм, я, всего скорее... Впрочем, нет. Та Присяга, которую я давала, вступая в ряды защитников Истории, она во мне всегда побеждала человека, готового за веру пойти на смерть. Ответственный и дисциплинированный сотрудник всякий раз брал во мне верх над христианкой.

«Не поддаваться страху? А что происходит сейчас со мной? Что Произошло с Алессандро? И каким таким образом не поддаваться страху, если страх это одна из функций души?» – С такой мыслью, анализируя свои внутренние ощущения, я проследовала в сторону группы людей, сидящих под навесом в этом дивном заснеженном, летнем саду. Выглянуло солнце и стало заметно теплее. Однако, снег по прежнему еще не собирался таять. Солнце, такое же яркое, как и на Лазурном Берегу, откуда мы только что вышли, оно неистово искрилось на снегу, и это создавало нереально правдивое ощущение того, что ты ступаешь по россыпям алмазов. Зелень листвы на деревьях сада, цветение розовых черешен, чьи ветви были сплошь покрыты цветами вкупе с сугробами совершенно не холодного снега под ногами, это все... создавало нереально правдоподобное ощущения твоего присутствия в сказке! Откуда-то налетела стайка мелких пичуг, с гомоном и свистом носящихся возле нас. Это было так сказочно-прекрасно! Но меня не радовало. Тот ушат дерьма, который вылил на меня Алессандро в своей записке, не позволял моим эмоциям настраиваться на позитивный лад. Нити вообще осталась с резко затосковавшим Игносио. Они вдвоем поднялись на веранду этого загород-

ного дома с другой стороны от нас и там уселись в кресла-качалки. «Они с Алессандро были близки!» – шепнула мне Нити на русском. Мне было не понятно, что означает слово «близки» применительно к отношениям двух молодых мужиков, но в принципе, и мне, и Нити сейчас было не до этого. Они просто решали сейчас свои проблемы. А я? А мне необходимо было решать свои. Вот и все. Очень много всего возникло нового и очень много всего обнаружилось из прошлого. Нерешенного. И еще очень для меня неясного! И по всей видимости, это только лишь вершина айсберга. Все эти вопросы, все их великое сонмище предстояло распутать оперативно и... правильно! «Это хорошо – подумала я, – что Нити меня вытащила сейчас от Тео, пока я еще окончательно не увязла в делах его Империи. И это паки хорошо, что мы переместились сюда, в этот очаровательный лентий садик, скрытый от глаз в одном из Смежных Миров и заваленный прекрасным не тающим снегом. Здесь намного приятнее!» В конце-концов, в отношении меня Алессандро был прав. И обижаться на правду о себе даже если ты привыкла к постоянной сладости лести и вранья, ... эти детские обиды ... они только еще более все усугубляют. Как и всегда! Он и сам поддался этой «вере в плохое». Хоть это в нем жило не как страх, а как... как неверие людям. Потому что вера в плохое, это вера в то, что веры нет. Как нет и доверия между людьми. Вера в то, что тебя неправильно поймут и не помогут, расскажи ты все честно... друзьям. «Вера в плохое» – она так многогранна! А еще она называется унынием. Алессандро просто самоустранился от всякого участия в решении проблем, которые внезапно перед ним образовались, обвинив во всех бедах нас с бабушкой Ниэтель. «Что ж? Это его выбор!» – Сказала я самой себе, подходя вплотную к тому столу, за которым уже сидел Эльми в обществе Тали, какого-то маленького мальчишки-подростка и, что было весьма для меня ожидаемо, моего отца. Присутствовал так же за столом немолодой и очень по мужски красивый человек, среднего роста, с сединой в висках, орлиным взглядом и в таком же комбинезоне, как и у папы. Он был мне отдаленно знаком, но я никак не могла припомнить где я его видела?

Я подошла к папе и чмокнула его в щеку. На нем был темно-серый армейский комбинезон со множеством нашивок и карманов. И на том человеке, который был мне не знаком тоже был такой же армейский комбез. Но с другим набором нашивок. И внезапно я вспомнила, на кого он так похож. И кого он мне до боли напоминает! Я посмотрела ему в глаза и с нескрываемой надеждой спросила.

– Вы Сарфат? —

Мужчина явно не понял моих слов. А Эльми издевательски, еле слышно произнес – «Салам оглы!»

Но зато мои слова поняла Тали и тут же схватила меня за рукав моего шелкового халата.

– Саврик, это Павел Петрович Параскевин! – Сказала она мне. – Друг и соратник твоего отца. – Она еще что-то хотела сказать, но папа взял слово.

– И замечательный боевой офицер! А так же... дворянин и, конечно, мой друг. —

«Мы тут все теперь дворяне!» – Опять проворчал Эльми.

При этих словах незнакомец встал и откланялся. Он приложился губами к моей руке, которую я протянула ему через стол. Это было с моей стороны весьма неучтиво и выглядело, скорее, комично, нежели правильно. Но с меня сегодня взять было нечего. Сегодня я где-то отсутствовала...

Следующим гостем за столом был какой-то подросток лет четырнадцати. Он даже не привстал при виде меня, и когда я посмотрела в его сторону, просто махнул мне рукой с вяло промямлил «Привет!»

«Нахальство и подростковый максимализм!» – Подумала я. И поэтому вообще не стала с ним здороваться. Дети за столом вместе со взрослыми и их участие во... в обсуждении вопросов, явно выходящих за полномочия их возраста, это было мне не понятно. Хоть Нити что-

то там говорила про то, что он-де может мне рассказать о физике смежных миров? Весьма сомнительно!

На мальчишке был белоснежный костюм свободного покроя, отдаленно напоявивший мне одежду падавана Аникена в то время, когда он был в учениках у Оби-Вана Кеноби. Расшитый золотым шитьем и инкрустированный россыпью мелких изумрудов на манжетах его накладки. На груди его, на тонкой цепочке красовался круглый знак, сделанный тоже из золота. И на нем все из тех же изумрудов выложена свернувшаяся кольцами змея. Очень похожая на татуировку у меня на левом предплечьи. Работа весьма тонкая! На пальцах этого зазнайки красовались аккуратные костяные перстни с какими-то непонятными для меня знаками. Все в прожилках золота, создававших в костной ткани перстней невероятно сложный и невероятно тонкий, сияющий узор. Этим можно было бы любоваться веками, но я не собиралась обращать внимания ни на зазнайку, ни на его... путевые талисманы? А! Хотя, нет, они назывались Портальными Амулетами! Да! Внезапно я вспомнила, что такие же перстни видела давным-давно. Но к чему они? Я не помнила. И в целом этот персонаж совершенно серьезно напоминал мне молодого Принца каких-нибудь знатных кровей! К тому же этот мальчишка оказался жгучим брюнетом, и я, глядя на него, невольно вспомнила своего восьмилетнего сына, каким он был на тот момент, когда я призвалась на службу в Оффтайм. В целом этот персонаж мне напоминал именно принца, раздетого подобающе своему статусу, и приглашенного куда-то, за чей-то стол, в качестве «свадебного генерала». И вел он себя так же нахально, как... как некто, понимающий про себя, что он-то уж тут, конечно, самый главный!

Все это раздражало неимоверно. Поэтому я просто плюхнулась на свободное место за нашим столом. Напротив Павла Петровича и по левую руку от папы. Еще напротив меня остался Эльми. А Тали с этим прыщом восседали слева от меня. Причем, мальчишка восседал напротив папы, с противоположной, торцевой стороны стола и судя по нему, ничуть не был этим смущен! Перед ним стоял огромный кусок торта на тарелке и чашка с неким напитком, от которого валил пар. Детский сад, одним словом!

Я не хотела ни с кем говорить ни на какие темы. Пока... Да, пока снова не напьюсь. Вместе с Эльми. До потери пульса... У меня сегодня есть причина – меня отравили. И оскорбили! А все вопросы и их надлежащие решения... пусть сегодня этим занимаются другие!

– Эльми, – сказала я, обращаясь к обрюзгшему гению в трениках, – плесни-ка мне тоже... Чего-нибудь! —

– Саврик, ты бы воздержалась. Сегодня. Хотя бы потому, что ... – Тали недоговорила свою фразу, видя в моих словах неудержимую решимость поступить по своему. Села и сникла. Эльмуальд взял в руки бутылку без этикетки и просто набулькал мне целый фужер.

– Если раскуришь для меня свой табачок! – Проронил он тоном больного на приеме у врача. Он сегодня тоже был хмур.

– Осторожнее с этим! – Сказал папа, наблюдая за нами. – Хлебный самогон высокой очистки. —

Я пригубила это пойло и сразу же потянулась за какой-то снедью.

– Ракетный окислитель! – Выдохнула я после маленького глотка и как только сумела перевести дух. Это развеселило Эльмуальда. Папа и Павел Петрович улыбались. Лишь Тали смотрела на меня с осуждением и жалостью во взгляде.

Тощий принц в это время крутил в своих руках какую-то головоломку типа Кубика Рубика и на меня вообще не смотрел. Ну и ладно. Я собралась с духом, и опорожнила весь фужер залпом. А через минуту, как только у меня в глазах перестали плясать разноцветные световые пятна, я поняла, что, похоже, жизнь снова налаживается!

– Ты привез? – Спросила я отца, разумно предположив то, что в винных погребах аристократки Ниэтель Футон обнаружить хлебный самогон не было никакой вероятности.

– Да. – Ответил он. – У нас делают. Рядом с нашей Ставкой. Не перевелись еще умельцы! —

– Это далеко отсюда? – Спросила я.

– Очень. – Сказал отец. – Мы добирались сюда сквозь такие дикие пространства и покинутые миры, что я сбился со счета! Но наш проводник свое дело знает отменно! —

Я подумала, что Нити откомандировала к папе Игносио, и спросила.

– Как давно Игносио вас привел сюда? —

– Кто? – Переспросил отец.

– Вон тот человек, который... которого успокаивает бабуля Нити. – Я кивнула головой в сторону Ниэтель и Игносио, располагавшихся в десяти метрах от нас.

– А! Нет, это не он. – Сказал папа. – Наш проводник сидит за нашим столом. Прямо напротив меня! – Он кивнул в сторону Прыща, по прежнему что-то сосредоточенно крутившего в своих руках. И хотя я видела, что Прыщ совершенно точно слышал то, что сказали про него, но виду не подал. Как будто его это совсем не касалось! И мне еще больше захотелось его проучить. Стереть с этой курносой мордашки это... самодовольство!

– И как зовут это чудо природы? – Обратилась я к отцу. Но ответил подросток.

– Елисей. – Сказал он обиженным тоном, не отрывая взгляда от того, что продолжал вертеть в руках. – А для тебя просто Лис! —

От наглости такой у меня упала челюсть. Со мной «на ты» могли говорить только родственники и близкие друзья. В принципе, я достаточно демократично к этому относилась. Но в отношении неких молодых Зазнаек, ... Никакие молодые Зазнайки не имели такого права! Эльмуальд опять прыснул со смеху, а у папы опять на устах заиграла улыбка. Впрочем, я не собиралась реагировать на провокации Прыща и обнаруживать свое равнодушие к оскорблениям. «Я выше этого.» – Сказала я сама себе.

– Ниэтель сказала мне, что ты можешь рассказать... э-э... прояснить мне вопрос о том, что такое смежные миры и как это все функционирует? – Сказала я малышу. Но нахал на мои слова никак не прореагировал. Я выдержала паузу и продолжила.

– И еще я хотела бы узнать о том, что такое «порталы» и как человеку возможно этим всем управлять? —

Мальчишка молча продолжал крутить в своих руках головоломку и на меня даже не взглянул. Это был вызов. Я это прекрасно понимала, но связываться с этой мелкотой было ниже моего достоинства. И тогда я решила прибегнуть к волшебству.

– Пожалуйста! – Сказала я.

И тут молодой наглец задает мне вопрос.

– Является ли число сто двадцать девять миллионов девятьсот пятнадцать тысяч сто четыре простым? —

– Нет. – Мгновенно отвечаю я. – Четное число простым быть не может. –

– А число один восемь семь один пять? —

– Нет. – Не задумываясь отвечаю я. – Оно делится на пять. —

Он, конечно, понимает, что это все слишком просто и продолжает.

– А как насчет числа один два три четыре пять шесть семь? —

Я смотрю ему в глаза. Эта старая-престарая игра в гляделки. Кто кого вперед сломает. Но Лис не таков! Его наглость не имеет границ. И тогда я говорю.

– Это число является простым с вероятностью одна сотая. —

– Откуда тебе это известно? – Говорит он.

– Оттуда, – отвечаю я, – что средняя плотность простых чисел среди всех семиразрядных примерно одна сотая. То есть, тыча пальцем в этот числовой интервал, ты попадешь в простое число именно с такой вероятностью! —

Он смотрит на меня теперь уже с интересом, и тут я не выдерживаю.

– Мы так и будем исследовать признаки делимости чисел, или мне из тебя придется информацию выколачивать? Поверь мне, я могу! —

Он мгновенно меняется в лице. Красавица Тали улыбается, обнажив клыки, вероятно, в предвкушении работы по уборке территории от трупов. Эльми ест. А папа сидит, скрестив руки на груди.

– Ты и впрямь не безнадежна! – Резюмирует в отношении меня молодой наглец. И будь моя воля, я бы его... Ухх! Но что-то меня удерживает. Даже не знаю. Совсем себя не узнаю!...

– Ладно, слушай! – Говорит мне Елисей. – Но я буду краток. Так как если подробно, то это доступно только в математическом изложении! —

– Я справлюсь! – Отвечаю я. – Если можно, давай подробно! —

Папа, все же, не может сдержать улыбку. Тали скисла. Так как жертв не будет. Эльми пьет. Нити с Игносио беседуют о чем-то своем рядом с нами.

Тогда этот молодой прыщавый подросток встает и говорит.

– Мне понадобится доска. Аудиторная. Большая. И мел. —

– Откуда ее тут взять? – Спрашиваю я его. – Может быть на бумаге напишешь? —

– Я не привык на бумаге. – Говорит мне Елисей. – Там, где я преподаю, бумаги уже нет и в помине. А вот доски в аудиториях по прежнему как и во все века! —

Это интересно! Резюме о «всех веках» из уст малыша звучит как-то особенно клёво! И я говорю.

– А где ты преподаешь? —

– В Объединенной Академии Истории. В моей альмаматер. И альмаматер бабушки Ниэтель тоже. —

– И что там у тебя за должность? – Не унимаюсь я.

– Я преподаю. Тензорную динамику Исторической Среды. Так же явления спонтанного переноса материи и энергии в анизотропных Исторических процессах. И... так... по мелочам ... —

– А ученая степень, звания? —

– Я чрезмерно скромн! – Отвечает мне наглец, задрав вверх свой курносый нос.

– Итак, что нам делать без академической доски? – Спрашиваю я его.

– Полагаю, с доской я мог бы помочь. Меня папа многому научил. Но мне нужно спросить разрешения у бабушки Нити. – Говорит малыш. – Потому что мы у нее в гостях! —

С этими словами он, долговязый и тонкий, идет в сторону Нити, которая по прежнему что-то говорит внимательно слушающему ее Игносио. И пока Лис отсутствует, я говорю отцу.

– Папка, что это за прыщ такой на ровном месте? —

– Меня он просто веселит! – Говорит папа. – Но ты не должна удивляться тому, что можешь увидеть! Потому что его родной папаша... он... не с Земли. – И при этих словах все они почему-то начинают отвратительно и ехидно хихикать!

Хмель от хлебного самогона начинает во мне свое благотворное влияние, и это сглаживает раздражение от наглого хихиканья надо мной всей этой камарильи!

– Инопланетянин он, что ли? – Задаю я вопрос отцу, и тут в наш разговор вмешивается эмпат.

– Саврик, – говорит мне Тали с нежностью в голосе, – пожалуйста, не вскакивай в боевую стойку, когда услышишь нечто для тебя новое и неожиданное! —

– Кончайте говорить загадками! – Я начинаю расстраиваться. – Я столько всего в жизни уже видела нового и неожиданного, что ... —

– И представителя Нижнего Мира тоже? – Спрашивает меня отец. – Прыщавого и курносого? —

Я так и замерла с открытым ртом. Потому что мою речь прервали. Я что-то хотела сказать, но отец перебил. И от сказанного им у меня отнялась речь. А рот так и остался открыт.

Мой рот сейчас, как открытое горлышко большой канистры, из которой уже все вылилось, но все еще ждут продолжения! ... Тали мне что-то хочет сказать, но отец делает ей знак, и она молчит.

– Его отец, – продолжил папа, – прямой и единственный оставшийся в живых наследник так называемых Владыки и Матери. Тех именно существ, кто сидит на самой вершине самого Нижнего Мира. И руководит всеми Нижними. Были наследники еще, но одного из них ты убила... Давно по твоим часам и недавно по часам Нижних. Поэтому Лис является так же прямым наследником Темного Престола! Я недавно оттуда. И познакомился с ними. —

– И ты жив? – Спрашиваю я папу. – Учитывая то, что ты командуешь армией, с которой... которая с ними воюет? Или вы не в состоянии войны? —

– Уже не в состоянии! – Говорит отец. – В силу определенных родственных причин они не хотели бы меня трогать. Соответственно и тебя тоже. Как мою дочь. Не говоря уже о их внуке Елисее. —

Я поворачиваю голову к Эльми, который уже изрядно захмелел и, похоже, до отказа набил себе брюхо. И я спрашиваю у Эльми. Потому что только в таком, «доверху набитом» состоянии Эльми наиболее умственно эффективен. Как, впрочем, и я!

– Эльми, я по-прежнему туплю? —

– Оч-чень сильно! – Говорит мне Эльмуальд и икает. – Я такого цирка давно не в-видел! Стареешь, мать! Я тебя сегодня совсем не уз-знаю! Ты должна сформулировать главный вопрос! —

– Я... Что я должна спросить? – Какая-то догадка ломится в мое сознание, но каждый раз натывается на непреодолимую стену той химии, которой меня опоил Алессандро и которая из меня еще не вышла. Наконец, со мной что-то происходит, и я начинаю рассуждать.

– Папка, скажи-ка, в какой степени родства ты с нижними? Скажем ... —

– Молот-ток! – Орет икающий Эльми и хлопает в ладоши. – Я знал, что ты не безнад-дежна! —

– Они мои сватевья! – Спокойно говорит отец. И вся компания почему-то начинает дико ржать. Они смеются все, включая Эльмуальда. И я окончательно теряю появившуюся-было нить логики!

– Но это значит, что отец этого прыща является твоим зятем, так? —

– Конечно! – Говорит папа сквозь смех и смотрит на меня абсолютно счастливыми глазами. – Не мучайся ты так! – Говорит он. – Мой любимый зять это твой муж! Ну, именно поэтому он мне и зять! – И тут они просто впадают в истерику от смеха! – Просто прими как факт то, – говорит мне отец, – что Лис твой сын! —

Они продолжают истерично ржать, покатываясь со смеху. Их смех настолько заразителен, что за соседним столиком Нити и Игносио тоже начинают улыбаться, прервав свою беседу. А рядом с ними стоит Лис и тоже смотрит на нас. Мне же требуется полминуты на то, чтобы, наконец, у меня все срослось. Насмеявшись отец говорит.

– Ты сегодня явно не в форме! —

– Какого... х-хрена? – Говорю я сама себе. Потом говорю отцу.

– Скажи-ка мне, как такое может быть, что я не помню что вышла замуж за наследника Темного Престола, родила от него... этого подростка... и... И даже не помню ни внешности, ни имени мужа? —

Папа кивает в сторону Тали, и эмпат говорит мне.

– Это я стерла подчистую всю твою память. Все, кроме безусловных рефлексов и первичных навыков. Перед тем как вернуть тебя в семью. Ты настаивала на этом. И это ты согласилась на то, что вместе с потерей своей памяти... ты потеряешь и свой уникальный дар. – Она молчит и продолжает. – Прости меня! Но это именно... Ты просто меня заставила! У меня не оставалось выбора. Я ведь не могу тебя убить, Саврик! Я слишком тебя люблю. А дело

к тому шло. После... После того как... ты побывала внизу, в плену, твоя психика просто могла не выдержать. Ты видела врагов везде и в... даже в каждом из нас. Мы опасались и за тебя, и за себя. Потому что с твоими боевыми навыками... И мы так с тобой решили! Ты просто не могла никак вспомнить своего мужа. Деспила. Когда встретила его в миру, став обычной женщиной. В Вашем Университете, на первом курсе. —

— Но моего мужа зовут не Деспил! — Говорю я.

— Конечно! — Отвечает Тали. — На земле он... носит обычное имя. Имя, не вызывающее вопросов. И обычную человеческую внешность! Которая является его второй родной ипостасью. —

— А Лис? — Спрашиваю я. — Почему я его не могла сразу вспомнить сейчас? —

Тали только пожимает плечами, но вместо нее говорит папа.

— Возможно, потому, что ему уже не восемь лет, а твоим воспоминаниям о нем вообще более м... слишком много лет? —

Это резонно. Я это понимаю. И я понимаю так же то, что разница в возрасте в несколько лет так сильно меняет внешность быстро взрослеющего ребенка, его характер и его интересы, что если ты его в эти годы взросления не видишь, то вполне можно и не узнать. В моем случае моя разлука с сыном длилась для меня нескончаемые века и тысячелетия. А для него — всего лишь шесть или семь лет! И поэтому он меня помнит, а я его... забыла! Наконец-то мой мозг включился на полную мощность. Но внутренне я еще так и не проснулась! Мои эмоции по прежнему спят.

— Кем я была? — Растерянно спрашиваю я, обращаясь к Тали, но поглядывая при этом в сторону сына.

— Ты всегда, с того момента как ребенком попала в Обитель, ты была Видящей. — Сказала Тали. — Ты видела все проявления Темной Энергии и Темной Материи не где-то далеко в космосе, в телескоп, а ее наличие в живых существах. И ты так же видела все, что скрыто от обычного зрения. —

— И поэтому я «мыслю не как человек?» — Прерываю я ее речь, размышляя сама в себе.

— Вероятно. — Говорит она. — И еще ты была совершенно уникальным бойцом! Только Сарфат мог с тобой спаринговать... Я тебе больше скажу. Магия, которую ты так рьяно ненавидишь и боишься, ты ей владела в совершенстве. И, думаю, если бы вспомнила, то и сейчас тебе бы не было равных. —

— И думать забудь! — Говорю я. Потом говорю, обращаясь ко всем. — Я не ненавижу магию. Она мне... отвратительна! Но других я не осуждаю. Поскольку в этих вопросах каждый отвечает лишь за себя! ... Не говорите Лису о том, что сейчас открыли мне. Он знает, что я его мать? —

— Конечно! — Говорит мне отец. — Ты же внешне почти не изменилась. Просто... Ему еще трудно ориентироваться в событиях, находящихся в очень разных временных потоках. Для этого нужна привычка и опыт, которых у него еще нет. Мы не можем ему сказать о твоём возрасте. Потому что он еще ребенок. Детям вредно давать понятия со сломанной логикой, такие как временные петли, противоречащие их наивному восприятию мира! Несмотря на весь его интеллект. И... Это не в укор, а просто как факт! Дети не должны знать о том, что их родитель, мама, покинула их более чем на миллион собственных лет! Не обижайся! —

Я проглатываю эту горькую пилюлю правды о себе, поскольку я и сама мучилась этими угрызениями все свои годы, что прожила вне системного времени. Но меня всегда держала моя Присяга! Хоть это, конечно, и не было оправданием...

— А как же его исключительные способности? — Спрашиваю я отца.

— Математика, физика... это другое. Это как сказка, в которой все возможно. Путь... Точнее, дорога для фантазии, проложенная... э-э... в дремучем лесу Неизвестного по жестким правилам логики, которую ты сам же и определяешь. Вот. А про тебя мы ему сказали только

то, что ты его можешь не узнать! Что у тебя временная амнезия. И это, кстати, совершенно так и есть! Нам даже не пришлось обманывать малыша! —

— Это какой-то кошмар! — Выдыхаю я с облегчением, поскольку в голове у меня все встает на свои места. И только теперь во мне просыпаются чувства. Я смотрю на Елисея, разговаривающего с Нити, и ловлю себя на том, что до невозможности сильно хочу прижать его к себе. Конечно, он сильно вырос! И изменился. Повзрослел! И сейчас мне так странно... почему я не узнала его сразу? Когда-то давно я читала, что если между людьми нет так называемых «обнимашек», если близкие люди в них не нуждаются, то между ними... угасла любовь. Любовь предполагает именно физический, тактильный контакт! И сейчас я готова вскочить со стула и сама броситься к моему Лисенку! «Обнимашки» потихоньку возвращаются ко мне! Они стучатся в ворота моей души, такие большие и добрые, как коровы, идущие к хозяйке на вечернюю дойку, и я впускаю их во внутренний свой дворик. Я слышу их глубокое и шумное дыхание. «Обнимашки» ... вздыхают во мне. Наверное, от сожаления, что в их прекрасных услугах я еще не нуждаюсь. А может и от радости! ... Но физически я по прежнему все еще сижу за столом, находясь в какой-то неестественной для меня каталепсии... Потому что, как правильно заметил папа, я сегодня " ... удивительно не в форме!»

— А Амелия? — Спрашиваю я, вспоминая свою любимую дочь.

— С ней все в порядке. — Отвечает отец. Она сейчас на воспитании у своих... у других дедов и прадедов. И... вне зоны доступа! —

Тогда я поворачиваюсь всем корпусом в сторону Лиса, который стоит ко мне спиной и слушает Ниэтель, и я ему говорю.

— Ты по прежнему считаешь, что нечетные числа намного холоднее четных? — Он удивленно поворачивается ко мне, вспомнив один из наших с ним разговоров, и я, наконец-то, вижу на его лице улыбку. Он просто сияет! Потому что кем бы он ни был по происхождению, а я все равно его мама! И его мама его вспомнила!

И тогда я встаю и иду к нему навстречу.

Часть 2. Путешественник

Глава 1. Duo sunt sine nomine, или, двое безымянных

«... Приход антихриста в мир будет сопровождаться овациями, лаврами и ликованием народов! Ибо нельзя взойти на абсолютную высоту абсолютной власти на острие меча, как завоеватель и поработитель, но лишь на острие языка, как политик и завоеватель сердец! Абсолютную власть над целым миром можно получить лишь в единственном случае – когда весь мир тебя безумно, безумно, безумно любит. Любит так, как любит толпа: безоговорочно, безапелляционно, бездумно, ... любит самозабвенно! Любит жадно! ... Именно такая, безумная любовь толпы, любовь, являющаяся по сути изнанкой, извращением той Любви, которая есть Любовь-по-сути, именно такая любовь толпы и возводила во все века на вершины власти тиранов, мизантропов и отъявленнейших душегубов... Антихрист – лжец! Говорит нам Священное Писание. И это вовсе не противоречит ни свойству политика быть лжецом, – да простят мне эти слова некоторые из присутствующих в этом зале, (ропот в зале) – ни свойству мизантропа и душегуба быть всеми любимым! Да простит мне эти слова вторая половина этого... нашего уважаемого собрания! (Свист, реплики из зала). И напротив, Истинный Лидер чаще всего бывает ненавидим толпой. И мы с вами Одного Такого помним! И то, что с Ним сделала толпа, тоже помним!...»

(Из единственной сохранившейся аудиозаписи скандальной Нобелевской Речи уважаемого Михаила Львовича, за которую (речь) его и лишили только что врученной Нобелевской Медали. Стокгольм, декабрь 2283 года.)

– Скажи, Гафур, – обратился ко мне Теодор, – что бы ты сделал для того, чтобы вытащить свою дочь с того пляжа, откуда я только что вытащил тебя? —

Он лежал на двух очень «слежанных» соломенных матрацах, заложив руки за голову, уставясь немигающими глазами в потолок этого утлого домишки, в котором мы с ним недавно разделили простенький ужин. На улице совсем стемнело и стало прохладно. Запели цикады. Их громкий стрекот был отчетливо слышен и наполнял сердце до боли приятными ощущениями детства.

– Что угодно. Не сомневайся. – Просто ответил я ему.

Я понимал, что это торг. Но торговаться не хотел. Я был весьма не силен в торгах. Несмотря на то, что козыри у меня были. И торговаться я бы мог. Я понимал свою роль в Истории. Я так же понимал и то, что Империю свою Тео смог построить исключительно... точнее, во многом благодаря моим заслугам в науке. И поскольку в настоящем моменте своей жизни я еще никаких заслуг не свершил, то меня он должен был холить и лелеять... А не вовлекать в какие-то торги. Просто... глядя на этого некоронованного императора, проживающего в лачуге и при этом управляющего целой планетой, я проникся к нему не то чтобы уважением? Нет. Для уважения я слишком плохо его знал. Меня подкупало другое. Сам Теодор. Нужно было иметь недюженную храбрость, мощный ум и нестигаемую волю для того, чтобы, начавши свое дело в одиночку, прийти к таким результатам как у него. Я понимал, что с моей стороны никакой торг неуместен вовсе не потому, что мне нечего предложить взамен освобождения арестантов, среди которых была и моя дочь, а потому, что Теодору уже было известно будущее.

И все варианты прошлого. И я здесь, лежу рядом с ним в его лачуге только потому, что Теодору известно обо мне три вещи. Ровно три. Первое – что я его не убью. И не убью вовсе не потому, что моя дочь у него под арестом. Не убью... потому что не убью. Второе, что я фактически уже в его команде. И третье. Третье то, ... Да он понимал, что ему удалось воздействовать на меня своей харизмой. Расположить к себе. И расположить настолько, что фактически я был бы согласен на совершенно добровольное подчинение.

Что вы хотите спросить, хорошо это или плохо? Да ни хорошо и ни плохо. Пока это еще «никак». Хорошо, или же плохо – это то, как ты сам будешь поступать. Свои действия или же чужие приказы? Да какая, нахрен, разница! Если чужие приказы приводят к результату более для тебя хорошему, нежели какие-то свои идеи, то – будь я проклят, – я согласен на эти чужие приказы!

И поэтому я повернулся на правый бок, лицом к Тео, и сказал.

– Что от меня нужно? —

– Завтра. – Ответил он. Зевнул и закрыл глаза... И мгновенно засопел.

Это самое «завтра» наступало очень долго. Потому что я за ночь, пока Теодор мирно похрапывал на соседнем койко-месте, я за это время успел передумать очень многое и переоценить свое отношение к нему. И уже тогда, когда потуги ко сну стали просто невыносимы, я вырубился. Но, как оказалось, совсем ненадолго. Примерно на полчаса. Поскольку, как выяснилось, Тео вставал рано и спал мало. Рассвет едва забрезжил над красивым заливом, когда Тео встал со своей лежанки и отправился на улицу. Причем встал он из положения «лежа на спине», не коснувшись руками пола вообще. Просто сперва сел, потом поджал под себя ноги, скрестив их, и на них поднялся, рванувшись всем телом вверх и вперед. Это говорило о его неплохой физической форме. Расстройствами сна, а значит и психики он тоже не страдал судя по тому, с какой скоростью он вчера уснул. Я тоже вышел вслед за ним, понимая, что поспать все равно уже не удастся. Было очень холодно, и изо рта шел пар. Теодор куда-то пропал. Я огляделся вокруг и преодолел почти непреодолимое желание справить утернную нужду прямо на его виноградник. А еще лучше на его любимую скамеечку. Удержало меня от этой мелкой пакости лишь то, что скамеечка принадлежала Гаю Плинию Секунду Старшему. Поэтому, да, конечно, ... где-нибудь в отдалении... Так я и спустился бегом вниз метров на сто. Почти до кромки воды. А подъем в гору бегом очень хорошо меня согрел. В Ялте я такое не проделывал. Там мне положено было жить чинно. Со своей любимой женой Ольгой Сергеевной. Чинно и неспешно прохаживаться по скучному городу... И прочие прелести жизни аристократа. Зато теперь... подходя к дому Теодора я снова чувствовал себя живым. И... молодым!

Когда я вернулся к дому, выныривая из-за виноградной лозы, он стоял возле дверей своей хижины, закутанный в какую-то немыслимо огромную, лохматую шкуру.

– Мантикора? – На сбившемся дыхании спросил я его одной из моих любимейших книжных фраз.

– Волк. – Ответил он фразой оттуда же. И тут же добавил. – Как спалось? —

– Мне потребуется кофе. – Ответил я. – И вино. – А он просто жестом пригласил меня снова в дом.

Мы уселись за тот же стол, за которым беседовали вчера, и я, наконец-то, смог отдышаться. Вино он мне достал то же самое. Тот же козий сыр и тот же вчерашний, подсохший за ночь хлеб. И я не думаю, что это от скупости. У него здесь не было электричества. Стало быть и холодильника. И соответственно, не было скоропортящихся запасов.

– Перекуси вот пока мочеными бобами. – Сказал он, вынимая из-под полотенца небольшую мисочку с какими-то огромными, круглыми плодами. Я взял один из них рукой из воды, в которой они плавали, и положил себе в рот. Плод был очень мягким и таким же сочным, и по вкусу напоминал фасоль.

– Воду где берешь? – Задал я ему очень деревенский вопрос.

– Дождевая. – Ответил он. – У нас очень чисто. Далеко бегал? —

– Почти к самой воде. – Ответил я. – Немного не добежал. Поленился! —

– И правильно! – Сказал он мне ровным тоном. – Море по прежнему опасно. Как и то, где ты был вчера. —

Я вспомнил рассказы своей дочери о Первобытном Океане, на берегу которого мы были вчера, и мне стало нехорошо.

– Что, за миллион лет они так и не покинули свою колыбель? – Спросил я его.

– За почти что два. – Поправил он меня. – Да. Не выходят. Сидят там и пожирают друг друга. Хотя, некоторые пытаются выползть! Наверняка просто из праздного любопытства. Как мы в космос в свое время! И я теперь доподлинно знаю, – заметил он, беря в руки большую и увесистую медную ступку, – что никакой эволюции на самом деле нихрена в природе нет! —

– А как же... А что есть? —

– Стандарт есть. – Сказал он. – Фенотип, генотип и все поведенческие аспекты, которые так же уже предусмотрены. Этология есть. А внутривидовые отличия, типа формы ушей, или длины ног, это примерно как форма корпуса у компьютера. Не более. —

Я завороченно смотрел за тем, с какой тщательностью он перетирает зерна кофе медным пестиком в медной же ступке. Делал он это основательно и не спеша. Это впечатляло. Я всего лишь попросил его угостить меня кофе. А он для этого принялся работать.

Он проследил мой взгляд и сказал.

– «Когда же случилось ему иметь власть Цезаря, то так и тянуло послов встречать в рубище! И пищу свою делить с нищими, средь бела дня побираясь на торжищах! Ходить с толмачами в грязных солдатских обозушках, гроши торгашая вшивыми шмотками! Ибо страсть была его вовсе не в роскоши, а в самовластии власти безудержном. И говорю так не в оправдание Жданова или Сталина, или кого-то другого из руководителей. Но в отношении любого (!), кто получает власть Цезаря!» – Тео посмотрел мне в глаза и увидев, что я ничего не понимаю, сказал. – Это я тебе процитировал одну из статей о Культе Личности. Еще тогда, когда я работал в Миссии ООН в Бейруте. Меня впечатлила искренность и истинность сказанного. А так же очень редкий «сказительный» слог. Поэтому я запомнил все дословно. Не помню только имени автора. Я, как ты понимаешь, единолично управляю целой планетой. Всей целиком. Можно даже сказать, что я свершил мечты Александра, Чингиз-хана и иных многих, кто претендовал на мировое господство. Но ... – Тут он снова принялся перетирать в ступке кофе. – Но страсти к власти я не имею точно так же, как не имею ее и к роскоши. Я просто служу тебе. Хотя, должен признать, что изначально я хотел именно власти. И популярности тоже. Просто... когда это все у меня появилось в изобилии, мне... все эти атрибуты величия не просто наскучили... Опротивели. Поэтому я сейчас тебе просто служу. Это нечто большее чем удовлетворение своей гордыни через смиренничанье, театральные розыгрыши нищенства, которое по сути отсутствует, и прочей лжи. Я сейчас просто служу тебе. Чем могу. Вот и все. – И принялся растирать уже получившийся порошок круговыми движениями пестика по бортам ступки. – И знаешь, Гафур, проживши столько, сколько прожил я, с уверенностью можно сказать лишь то, что не надоедает только делать людям добро. Все остальное может опротиветь настолько, что хоть в петлю лезь! – Он снова застыл, видимо что-то вспоминая. – Я тут уже все перепробовал. И спортом занимался и науками, и искусством. В чем-то преуспел, в чем-то – нет. И даже жесткой тиранией. Ради интереса. По приколу! Просто любопытно было, насколько люди могут терпеть всякое дерьмо? ... Оказывается, могут! И даже очень! – Он усмехнулся. – Но все это все равно на бесконечном интервале превращается в ад. В разные его уровни. Не может человеку наскучить только делать добро другим. Служить. А все развлечения и удовольствия... Как сказали бы многие из моих хороших знакомых постников и отшельников, проживающих сейчас в разных эпохах этого мира, служение другим как раз и делает человека богоподобным. Можно сказать и иначе: на конечном интервале времени всякий стре-

мится ко греху. В основном из-за неверия в Вечность. Стремимся к удовольствиям! Как бы чего не пропустить мимо себя! Ха! А если ты живешь, не обремененный близкой перспективой кончины, то человек ищет свое место в вечности. После того как полностью разуверится найти его в наслаждениях! И найти это свое место можно лишь служа другим. Потому что на бесконечном интервале времени все, что не рай, все есть ад. —

— Почему же не в удовольствиях? — Спросил я его.

— Потому что всякие удовольствия... так же как и деньги, они... подвержены инфляции. Обесцениванию. Я даже одно время разрабатывал некую теорию, в которой экономика и потребление рассматривались как страсть. Как одна из форм упадка морали... Ты Лествичника читал? —

— Нет. — Ответил я. — Не знаю такого. —

— Тогда наш разговор в этом направлении... будет непродуктивным. — Сказал он. — Поставил бы ты покамест кипятилок на огонь! —

— Куда? — Переспросил его я.

— А, да! На улице в дровнике есть сухие березовые чурки. И очаг у меня снаружи дома. Я, помнится, говорил вчера, что не хочу уродовать этот исторический раритет, — он обвел взглядом свой дом, — устройством каминов, печей или чего-то еще, чего не было в этом доме при прежнем его хозяине. — Он махнул рукой в сторону двери. А я встал и пошел разводить огонь. Мне пришлось обойти весь дом, и с его тыльной стороны я обнаружил под дощатым навесом все, о чем говорил Теодор. Был там на треноге и котелок, наполовину заполненный водой, а так же криво сколоченная лавочка, порядком уже подгнившая и шаткая! «Так он и в самом деле стремится к богоподобию!» — Подумал я про себя. «Интересно, на сколько его хватит в его служении другим?» Я знал, что скептик и циник прочно укоренились во мне!

— Тео, где у тебя спички? — Крикнул я довольно громко, чтобы он услышал, находясь по ту сторону каменной стены. Он услышал и крикнул мне в ответ.

— В дровах! Внутри поленницы! —

Я стал заглядывать в полости между плотно уложенными поленьями и без труда обнаружил там коробку спичек в простеньком полиэтиленовом пакете. И на коробке надпись. «Спичечная фабрика „Маяк“, г. Рыбинск, 1984 г». «Это что, шутка такая?» — Подумал я...

К тому моменту как он появился рядом со мной, держа в своей руке ступку с порошком свеженамолотого кофе, вода в котелке почти закипела. На левой руке он притащил перекинутую через нее еще одну «мантикорью» шкуру. И протянул ее мне. Я высыпал порошок кофе в котелок и с удовольствием закутался. Да, утро выдалось весьма промозглым! Сверху по нашему навесу начал постукивать мелкий дождик. Тео присел на самый краешек нашей маленькой лавочки, а я побежал обратно в дом за нашими эмалированными армейскими кружками.

— Сахар прихвати! — Крикнул он мне вдогонку. А я прихватил еще и хлеб. И еще один табурет. Когда же мы уселись под навесом с кружками кофе и хлебом в руках, я почувствовал себя совсем хорошо. Все это очень сильно мне напоминало стройотряд моей юности. Природа, костер, кофе из кружек и душевные беседы... Этот вполне деревенский уют дополняло и усиливало так же наличие на нас очень теплых «мантикорьих» шкур. И внезапно я понял, что, возможно, это был такой способ расположить меня к себе? С помощью выбора места для переговоров? Ведь очевидно, что Теодор мог пригласить меня во дворец, или туда, где он... проводит всякие светские мероприятия. Но мы совершенно в ином месте. Диком, пустом и... откровенно сельском. И... он держит меня с ним на равных. Это, безусловно, является одним из способов расположить человека к себе, если ты не вполне уверен в том, что переговоры будут простыми.

— Излагай. — Сказал он мне. И я понял, что он уже просчитал мою чесесчур задумчивую внешность.

– Ты вчера мне сказал... точнее, спросил: что бы я сделал для того, чтобы освободить свою дочь оттуда? —

Тео не стал отвечать а просто кивнул головой.

– Ну, учитывая то, что ее арест более похож на похищение человека с целью шантажа, — спокойно сказал я, — полагаю, мои возможные действия могут лежать в очень широком интервале. От открытых боевых, а так же партизанско-террористических до... до оплаты выкупа по бартеру. —

На эту мою реплику Теодор просто отреагировал очень широкой и абсолютно беззлобной улыбкой.

– Полагаю, именно так! — Сказал он. — И поскольку спектр действий весьма широк, я именно поэтому и задал тебе конкретный вопрос: что именно ты готов сделать для освобождения дочери? —

Я не стал торопиться с ответом. Он мог подождать. Я тоже. У нас, как я понимаю, время не лимитировано. Учитывая тот факт, что я нахожусь в компании с человеком, который может им управлять. Поэтому я встал с табурета и подкинул еще пару полешков в очаг. После пол-кружки крепкого кофе я, наконец-то, стал согреваться!

– Давай отбросим сразу же крайние варианты. — Предложил я.

– Угу. — Ответил Тео, пережевывая горбушку хлеба.

– Ни воевать с тобой, ни платить тебе деньги, — сказал я ему, — я не хочу. Да и не могу. Поэтому и спросил вчера о том, что от меня требуется? Кроме естественно, того, что я уже два года просидел в Ялте девятнадцатого века со своей любимой женой. —

– Все бы так сидели! — Возразил он мне. И как мне показалось, с грустью в голосе.

– Тео, это все равно отсидка! — Начал-было я, но он меня прервал.

– Так. Давай-ка по порядку... Твоя дочь арестована не потому что я собирался тебя шантажировать. Это – самое главное. Она грубо нарушила Договор. Нагло и грубо. И уже не в первый раз! ... И даже не в сотый! ... Поэтому трое суток ареста на Пляже древнего океана, кишящего хищниками и бандитами, это минимум из того, что все они заслужили. Она как правонарушитель и те из ее конторы, кто принялся это правонарушение защищать. Им всем нужна была основательная встряска! С целью напомнить, что сохранность Истории – это вещь архиважная. С ней нельзя поступать так же необдуманно и спонтанно, как со своими фишками в казино. Это – первое. Второе. Никакие выкупы мне в этой связи не нужны. И свой вопрос: что бы ты, Гафур, сделал для того, чтобы вытащить с Пляжа свою дочь, – этот вопрос я тебе задал вчера не потому что нуждаюсь в чем-либо, а потому что мне просто необходимо знать то, насколько далеко ты мог бы зайти. Это понятно? —

– Угу! — Теперь уже промычал ему я, ибо в этот момент так же жевал. Потом проглотил и сказал, вставая со своего места. — Она, тем не менее, моя дочь, Тео. И подвергать ее жизнь и ее здоровье такому риску, как там на Пляже, я никому не позволю. Даже тебе. Я ценю тебя как гениального организатора и радушного хозяина! Но ... —

С этими словами я спокойно снял с плеч волчью шкуру и положил ее на лавочку. А потом поманил его к себе жестом рук. Пусть посмотрит, насколько далеко я готов зайти. Я был в отличной форме!

Он, конечно, понял. И спросил, сидя и улыбаясь.

– Ты хочешь пригласить меня на спарринг? — А я только кивнул головой.

– Окей! — Сказал Теодор, и я увидел как вспыхнули его глаза.

В следующий момент времени он просто щелкнул пальцами, приподняв вверх свою правую руку, и свет вокруг нас мгновенно померк, а воздух стал внезапно очень знойным, душным и... затхлым! Я определил, что пахнет скотом. Всего скорее, верблюдом. Или даже целым стадом верблюдов. И сильно заложило уши. А значит мы куда-то переместились.

– Где мы, Тео? – Растерянно промямлил я в крошечной темноте. Ответом же мне стала тишина, нарушаемая лишь каким-то шумом, накатывающим волнами. Послушав это минут пять я понял, что это не могло быть ни чем иным, как только шумом трибун. И здесь было неистово жарко! И душно. Еще через какое-то время мои глаза сумели вполне адаптироваться к практически полному отсутствию света, и тогда я понял, что нахожусь в какой-то маленькой камере совершенно один. Теодор отсутствовал.

– Тео? – Наконец, снова позвал я и на этот раз услышал ответ.

– Сейчас все поймешь! —

Он возник внезапно рядом со мной. Настолько близко, что оттолкнул меня своим левым плечом, и я, пошатнувшись, отшагнул к стене нашей камеры. Через мгновение раздался лязг проворачиваемого в замочной скважине ключа, и возник свет в дверном проеме. И фигуры людей. Нас подхватили под руки. Ловко и быстро. И вытолкали в коридор. Было очень мрачно. Но я смог определить, что те парни, которые пришли за нами, были одеты в черные кожаные, легкие доспехи. Какие я видел в изобилии во дни своей молодости. Нас завели в комнату, соседствовавшую с нашей, достаточно освещенную для того, чтобы понять, что это была оружейная.

– *Habitu, porcus!* (Одевайтесь, свиньи!) – выкрикнул нам высокий человек с мечом наизготовке. И я увидел за его спиной еще двух. Такого же роста. При этих словах Теодор молча подошел к куче разного боевого железа и взял в руки увесистый топор на короткой ручке. Мне, не успевшему еще отойти от шока внезапной смены времен, ткнули в спину. Я подошел к той же куче и взял в руки короткий греческий меч.

– *Et accipe scutum!* (Берите щиты!) – Опять сказал завскладом. Но я просто отрицательно покачал головой. Тогда те, кто выводили нас из камеры и препровождали сюда, опять подхватили нас с Теодором под руки и повели почти бегом по длинному и узкому коридору. Больше всего мне сейчас хотелось перед Тео просто извиниться и попросить его «отыграть» все назад. Но я понимал, что он на это никогда не пойдет. И второе. Я так же отчетливо понимал, что ни мне, ни ему ничего не угрожает. Наши жизни были определены в Истории Будущего на многие сотни и тысячи лет вперед. Поэтому, да, спарринг! Хотя, сейчас я бы выбрал вместо этого места его хижину и недопитый мною кофе!

В следующий момент времени нас подвели к каким-то немислимых размеров и немислимого веса дверям, которые начали распахивать перед нами четверо человек, закованных в кандалы, и стал слышен рев толпы. С той стороны этих дверей. Оттуда, откуда лился яркий дневной свет. Но я уже и без того знал, куда нас перенес Теодор.

– Тео, я ведь могу и убить... Мне бы не хотелось ... —

– Ты сперва смочи. – Ответил он ледяным тоном. – Хотел спарринг? Ну, так вот это место как раз для таких целей! Не пристало таким титанам, как мы с тобой, махалово устраивать где-то в совершенной бесвестности! —

– *Vale ire mori!* (Прощайте, идущие на смерть!) – Услышал я за нашими спинами традиционное гладиаторское напутствие. И в этот момент рабы, прикованные к воротам, широко распахнули их перед нами.

Как только мы пересекли черту света и тени, отделявшую нас от Арены, коротко прозвонили фанфары и чей-то, едва уловимый в реве толпы голос прокричал.

– *Duo sunt sine nomine!* – Что означало «Двое безымянных!» И если честно, меня это даже расстроило. Я, конечно, не знал в каком именно году мы находимся. Но что-то мне подсказывало, что сейчас идут именно мои любимые года! И в Риме обо мне слышали! Определенно!

– Тео, ты уже бывал здесь? – Спросил я своего спарринг-партнера.

– Конечно. – Ответил он. – Мне больше заняться нечем как подвергать опасности свою жизнь, играя в пустые игры древних! —

– Зачем тогда ... – Начал-было я, но он меня перебил.

– Из уважения к тебе, Гафур! – И когда мы вышли уже почти на самый центр арены, сказал.

– Мне хочется дать тебе самое лучшее. Великое. Даже если это будет смерть. Старайся не смотреть на трибуны. Это признак дилетантства и здорово отвлекает! Защищайся! – И тут же сделал очень быстрый выпад «пяткой» своего топора в направлении моего лица. Я увернулся легко и проворно и при этом отпрыгнул на пару шагов назад. «Не пристало Великому Гафуру по крайней мере в этом историческом периоде оставаться безымянным!» Подумал я про себя. «Не пристало!» И с этой мыслью я сделал ложный выпад с поворотом на триста шестьдесят градусов. Ушел в ложный замах с еще одним точно таким же поворотом. И еще раз поворот с уходом в полуприсяд и с очень длинным махом рукой на уровне живота. И если бы я задел Теодора, то располосовал бы его пополам! Но располосовать мне удалось лишь его тогу. Оказалось, что он двигался не менее быстро чем я. И весь этот мой каскад боевых приемов стал не более чем красивым танцем. Нам кратко зааплодировали и засвистели. Раздался чей-то отдаленный смех. Мне было понятно, что здесь, в Колизее, удивить публику было крайне сложно. А удивить очень хотелось! Просто очень! Ты, блин, на Главной сцене всех времен и народов! Ты Гамлет и Спартак! Ахиллес и Гектор. Да, пусть мне отведена роль в пять минут. Но, хрен его раздери, я хочу, чтобы эти пять минут жизни запомнились зрителям навечно! И не из-за зрителей вовсе. А только лишь потому, что нынешняя постановка исполняется великими! Я взглянул на Теодора и увидел в его глазах совсем такой же азарт.

– Умереть на этой арене будет приятнее чем я полагал! – Услышал я от него. И поэтому сказал в ответ.

– Тео, только театральная постановка! С использованием всего нашего таланта и арсенала возможностей! Пусть этот поединок двух «сант-сине-номине» останется в памяти навека! – Всю эту тираду я проговаривал, непрерывно наступая на него, и поэтому говорил с паузами. Но все равно дыхание себе изрядно сбил! А Теодор просто кивнул мне в ответ. И сказал кратко.

– Да, ты прав. Это и есть театр! – И неожиданно резко ушел вниз, под мой меч с броском вперед, очень сильно при этом ткнув меня топором в левое колено. Этот его тычок топором получился не в полную силу и вскользь, однако моя кровь красиво, по огромной дуге оросила арену! Я пошатнулся и застонал. Понял, что сейчас упаду. Но вместо падения на спину, изогнулся вбок и не раздумывая ушел от него, сделав «колесо». Раз семь или восемь. Это был мой «фирменный» трюк, которому меня научил один пожилой зек Василий, которого так и звали «Колесо». В те годы, когда я был совсем еще мальчишкой и носил совсем другое имя...

Так я оказался от него примерно метрах в пятнадцати. И стоял, интенсивно растирая себе колено. А он неторопливо шел в моем направлении.

Трибуны при этом заметно оживились.

Я определил, что чашечка моего несчастного левого колена болтается из стороны в сторону, и это означало, что левую ногу я сгибать больше не могу. Иначе голень просто вылетит из сустава. Эту ногу я теперь должен был держать идеально прямой по крайней мере месяц! И конечно, не на арене Колизея! И замотать мне ее потуже тоже было и нечем, и некогда!

Я, прихрамывая и волоча за собой прямую ногу, попытался от него немного отбежать и поэтому развернулся к нему спиной. Я никак не думал, что он на такое пойдет! Но... он все же, с силой метнул свой топор мне в спину и, конечно, попал! Я на миг даже потерял сознание. А когда очнулся, то увидел, что лежу, зарывшись лицом в песок Арены, а Тео уже совсем близко! И хоть мне очень не хотелось вставать, я понимал, что именно Колизей во все века славился тем, что лежачего в нем добивали. Беспринципно и немилосердно! Поэтому я сел, трясая головой и стараясь максимально обрести адекватность восприятия, и увидел, что он подбирает вместе со своим топором и мой меч, который валялся на его пути ко мне. Это было хорошо. Потому что это давало мне шанс. И... потому что это уже было! И поэтому я продолжал просто сидеть на песке, изображая смертельно раненого, и ожидая, что все в это

поверят. Как и тогда, когда с тяжелыми трудами мне удалось победить царевича Инхеп-Ра! Правда, я был тогда сильно моложе. И Тео об этом тоже наверняка знал. А что мне остается? Убежать я не могу. Да мне и не дадут. Куда вообще можно убежать с арены Колизея, кроме как в мир иной?

– Мантикоры, говоришь? – Спросил он издали. – Да ты просто провидец! Я давно их развожу. У себя на ферме! —

Затем он подошел ко мне, сидящему на песке с абсолютно тупым выражением лица, и резким движением отхватил при помощи моего меча здоровенный кусок от подола своей тоги. Бросил меч рядом с топором, присел и не спеша принялся перетягивать мне раненое колено. При этом на трибунах начался настоящий рев. Но Тео никак на это не отреагировал.

– Стоять сможешь? – Спросил он. А я лишь кивнул в ответ. – Потому что сейчас именно и начнется самое великое шоу на этой арене! – Сказал Теодор.

Он продолжал тщательно и очень туго забинтовывать мою ногу тряпкой, глядя при этом совсем не на меня и даже не на мою ногу. Я немного пришел в себя и проследил его взгляд. Стены арены были весьма высоки. Никакой не то что человек, но даже лев или тигр не смогут допрыгнуть до перил. Метров семь-восемь. По сути, это колодец. Но Тео смотрел не на это. Его взгляд был прикован к Императорской ложе, которая... была совершенно пуста!

– Это хорошо, что некому командовать «Фас!» – Сказал он. – Местная военная полиция выполняет только приказы Цезаря и более никого! ... Поэтому пусть они там на трибунах орут сколько хотят. Все, что они реально могут при пустой Императорской Ложе ... —

Он не договорил. Снова отворились те самые ворота, через которые на арену выпустили нас, и оттуда выбежала целая команда здоровенных мужиков с топорами, мечами, копьями и прочими орудиями убийства. И устремилась прямо к нам. Мы с Тео оба поняли, что секунд десять, не более. Потом нас возьмут в кольцо и покрошат на мелкий собачий фарш.

– А! Я вот это и имел в виду! – Сказал он и встал, оставив меня сидеть. И снова дважды щелкнул пальцами, подняв на этот раз свою правую руку высоко вверх!

А потом произошло следующее. Из ниоткуда, прямо как по волшебству, возникли огромные, страшные собаки, вид которых просто леденил у меня кровь. Черные, огромные, с какими-то невообразимо жуткими, немигающими, огромными глазами овальной формы на абсолютно лысых, зеленоватых головах. Эти их глаза... Боже, они же были такие же как у мухи, или стрекозы. Сетчатые... Эти звери были очень высокие в холке. А их непропорционально большие головы украшали пасти, похожие на крокодилы. Только чуточку короче. С десятков особей. И особенно страшным при этом было именно то, что от этих зверей не исходило ни единого звука! Только какой-то тихий стрекот. Как от насекомых. И внезапно я вспомнил, что именно эти тихие звуки я принял вчера за стрекот цикад. Когда стемнело. Рядом с хижинкой Теодора. А он при этом мирно похрапывал на полу своего дома, в котором вместо дверей лишь занавеска из плотного сукна...

В этом моменте времени я просто перестал дышать!

Вы никогда не слышали на арене Колизея и при полных трибунах тишины, настолько гнетущей и мрачной, как в преддверии ада? И я не слышал. И сейчас возникла именно такая тишина. Полное беззвучие. Но не от отсутствия чего-либо, а, напротив, от наличия. Повяло такой страшной безисходностью и... обреченностью, что ли? Эти звери, они источали от себя нечто, чего не существует в мире, созданным Богом. Некие волны чудовищного страха и обреченности. И еще они завораживали. Не знаю, какие физические поля и частицы за это в ответе? Но от этих зверей исходило Нечто. Они парализовывали волю и подчиняли все твое естество страху. Внезапно я понял, что возникнув здесь и сейчас, на залитой ярким солнцем арене Колизея, эти твари принесли сюда не просто самих себя, но частичку пространства того самого мира, в котором были до этого. С его атмосферой, и с его... сутью. И они возникли не одни, а в компании с каким-то мужиком, брюнетом с сединой в висках. Лет сорока. И этот мужичок,

одетый в какие-то неизвестные мне одежды свободного покроя, стал выкрикивать этим собакам, или... не знаю, может быть и не собакам вовсе, стал выкрикивать им команды на совсем не знакомом мне языке. Я не был лингвистом, но ни произношение, ни лексика... были явно не отсюда! Он подавал команду зверю, обращаясь, как я понимаю, к каждой особи по имени и при этом, слегка отвешивая ей поклон. И по театральному изыскано показывал жестом в сторону определенного гладиатора, из числа тех, кого выпустили к нам с Теодором для нашего истребления. Это было бы даже красиво, если бы не было столь запредельно страшно!

– Адские псы! – Шепотом сказал Тео. И сел на песок рядом со мной. – Сиди тихо и не шевелись! И я очень надеюсь на то, что они не учуют твою кровь! —

– Откуда это все, Тео?! – Едва слышно произнес я.

– Из ада. – Так же тихо ответил он. – Я подстраховался у... друзей! —

Каждый из зверей, получив команду, подходил к тому, на кого указал рукой их... погонщик... И не спеша, по частям разчленял соответствующего гладиатора. Смотреть на это было просто невыносимо. Потому что люди даже не пытались сопротивляться, загипнотизированные этими мушкетными, немигающими глазами. А более всего потому... да, из-за тишины. Жертвы просто были в полном параличе. Не могли даже издать предсмертный стон...

Это все длилось и длилось... Пока, наконец, где-то на галерке, на самом верху, не раздался чей-то душераздирающий, нечеловеческий крик. Женский, переходящий в визг. И затем – в стон. Такой... тягуче-мучительный. И затем этот стон стал разрастаться и заполнил весь Колизей. И я вспомнил случайно осевшую где-то в самой глубине моей бесполезной памяти фразу из Библии: «Там будет плач и скрежет зубов!» Адские псы не сжирали свои жертвы, как поступил бы любой из столь свирепых хищников отряда млекопитающих. Впрочем, я уже понял, что они не являлись ни млекопитающими, ни... земными. Да и столь свирепых на Земле не водилось! Вся эта героика Колизея... вмиг рухнула, обнажив свою адскую суть. Тео просто организовал здесь и сейчас достойное лицезрение сущности Колизея. Не его парадную, блатную романтику, а его... адскую сущность!

Эти собаки... Они водили хоровод. Волоча останки жертв в своих зубах и оставляя эти человеческие части там, где говорил им погонщик. И я понял, что звери выкладывают на песке арены какое-то слово. Или символ? Не знаю. Но... Потом спрошу!

Через какое-то время, и под жалобные стоны трибун, звери, закончив свое дело, чинно уселись на песок. Я поднял глаза вверх и заметил, что, несмотря на весь ужас, трибуны никто не осмелился покинуть. Публика Рима каким-то образом поняла то, что все происшедшее необходимо досмотреть. Что это действо – для них! И вовсе не как развлечение. Скорее, урок! А потом погонщик пошел к нам. И вместе с ним один из его питомцев. Питомец подошел ко мне вплотную и обнюхал мою ногу, тихо застрекотав при этом. Я закрыл глаза и перестал дышать.

– Атхе, Харг! Атхе! – Тихо сказал погонщик и погладил зверюгу по гриве. При этом песок развернулся и ушел в сторону стаи. Тогда Теодор поднялся с песка. Чинно и с достоинством. И сказал.

– Спасибо, Меридор! —

– Дай нам команду отбыть домой из этого... мрачного места! – Сказал Теодору некто по имени Меридор, погонщик адских псов. И Тео сказал.

– Конечно! Мой поклон Владыке и поздравления по поводу рождения внучки! – И снова щелкнул пальцами. Но уже трижды. И адские псы вместе с погонщиком исчезли. Как и не бывало! Оставив на песке арены Колизея ужасный человеческий... мясной прилавок...

– Вставай! – Сказал мне Теодор и помог подняться на ноги. – Нам пора! И тебя лечить пора! А то еще подхватишь тут какую-нибудь ... —

Он приобнял меня за плечи и мы вмиг оказались снова в его Империи. Но уже не рядом с хижинкой, а на какой-то немыслимо красивой площади. И хотя в этом мире накрапывал дож-

дик, я был этому несказанно рад! И конечно, снова сильно заложило уши! Мы стояли, обнявшись, как старые друзья. Опираясь друг на друга. Мимо нас проходили какие-то люди, под зонтами и в плащах, и все вокруг было... настолько безмятежно-меланхоличным, как и бывает в самом начале золотой осени. Столь разительный контраст перемены состояния окружающей нас реальности окончательно меня деморализовал. И только сейчас я заметил, что у него широкая резаная рана в области живота.

– Это что, я тебя достал? – Спросил я его. А он ответил.

– Ага. В самом начале. ... Ерунда! Ну, что, спарринг удался? —

– Угу! – Промычал я. – Что это были за собаки, Тео? Это же... что-то запредельное. —

– Именно, запредельное. – Сказал он мне. – Они создаются там, где есть предпосылки для так называемого «генетического взрыва». А конкретно эти... Химеры. Помесь волка с богомолком. Их сложный генетический микс. Ты почувствовал, что только насекомые способны управлять сознанием человека на расстоянии? —

– Да. – Сказал я. – Меня просто охватило оцепенение! —

– Вот именно! – Сказал Теодор. – Я хотел преподнести урок этим зажавшимся древним идиотам. И жалею, что тамошнего Цезаря там не было. Вот смотри на мою империю! – Сказал он мне. – Стоит Цезарь, раненный сам и держит раненого товарища. И при этом я остаюсь неузнанным. Вот что значит... э-э... до чего может довести человека скромность! —

Мимо нас проходили какие-то люди. Кто-то рассматривал нас с любопытством, кто-то с брезгливой отстраненностью. И при этом никто не узнал Теодора в лицо.

– Ты идти можешь? – Спросил он. А я только отрицательно покачал головой. Тогда он поднес к губам свою левую руку с каким-то браслетом и сказал.

– Гергон, заberi нас! —

Холодный мелкий дождик усиливался, и мы просто кайфовали, уставшие и потные послы арены Колизея.

– Что бы ты хотел сейчас более всего? – Спросил он меня.

Я только покачал головой. – Ну, может, Стинга послушать? ... —

– Стинга? – Переспросил меня Тео. – Почему не душ и мягкую кровать? Или миску сборной солянки, от которой поднимается пар? ... Хотя... Я бы тоже не прочь послушать Стинга. «Роксен», например. Стинг – классный парень. —

Не прошло и пары минут как к нам подбежали люди и, подхватив подмышки, бегом уволокли обоих в какое-то здание весьма помпезного вида. А я просто закрыл глаза. Я был вымотан психологически как после пыток.

Но во внутреннем моем взгляде, в том самом, который смотрит вглубь твоего сознания и который начинает это делать сразу же вслед за тем, как ты закрываешь свои телесные глаза, ... сразу же вслед за этим... мне, я думаю, до конца дней моих будут видеться адские псы, их погонщик Меридор и тот немыслимый, нечеловеческий хоровод с человеческими останками в их зубах. И еще... этот стрекот...

Глава 2. Хроники Ялты-86. 7 января

«... Вера – это ничем не объясняемое знание, либо же убеждение, очевидное для тебя настолько и настолько необъяснимо близкое твоему сердцу, что не отстаивать его, не бороться за него ты не можешь.»

(«Мысли Одинокого Странника, грядущего в ночи». О. С. Гинзбург-Мадани Изд. «Река». М., 2223г. 391 стр., илл.)

Я грустно шагал по центральной улице Ялты. Тео, как мы с ним и договаривались, вернул меня обратно туда, откуда четыре дня назад я отправился в баню к друзьям. Но вместо этого угодил в трехдневную спасательную экспедицию. Меня переодели в приличествующие этому периоду Истории одежды. Теодор вылечил мое колено, которое он же перед этим мне и изуродовал боевым топором на арене Колизея, и теперь я, совершенно подавленный и в настроении препротивном просто возвращался домой. К своей супруге, по которой уже успел соскучиться. Прикасаясь слегка к своему новому котелку рукой в белоснежной перчатке и кивая в ответ на приветствия местного люда.

Не то, чтобы я сильно страдал от боли в колене и остаточных явлений в спине, нет. Первая же парная банька в компании друзей и с хорошим пивом это все поправит без следа! Эти боли были фантомными и скоро должны были пройти сами. Так как на процедуре регенерации у Тео в его «Водах Молодости» меня восстановили, что называется в юношеских годах. Дело не в этом... Дело в том, что Тео просто надрал мне задницу. Вот и все. И поэтому я был подавлен. Конечно, мне и раньше приходилось и получать по зубам, и сражения проигрывать. Но здесь он разгромил меня вчистую, и сделал это на глазах тысяч зрителей, которые на тот момент сидели на трибунах. Это было прилюдное унижение меня как бойца и, к слову сказать, не последнего в своем роде!

Я не привык проигрывать. И тем более не привык проигрывать под аплодисменты трибун, адресованных не мне.

И поэтому я был зол, раздосадован и подавлен.

Именно в этом настроении я и возник в дверном проеме нашей с Ольгой тихой заводи... Гостиница Россия. Апартаменты класса «Люкс». Двухкомнатные покои за номером 57.

– Привет! – Сказал я с порога, пытаюсь изобразить на лице своем улыбку. Я и впрямь очень соскучился по Ольге. Она была той моею отдушиной, где воздух для меня всегда был сладок. Где я мог дышать и... не мог надышаться! Однако, получившаяся вместо желанной улыбки жалостливая гримаса, явно не могла обрадовать мою супругу.

Она сидела в кресле, поджав под себя ноги, такая тихая, домашняя... с какой-то книгой в руках и укутанная в огромный плед голубого цвета, плавно переходящего в бежевый. Она очень любила этот плед.

– Джаф, ты ушел всего часа полтора назад! – Сказала мне жена. – И меня интересует, где ты был это время, если не в бане? Поделись с супругой! – И улыбнулась.

– Почему не в бане? – Удивился я.

– Ну, я не знаю почему. Почему? ... Ты ходишь в баню ведь не мыться, а... сидеть там с этими твоими ялтинскими мужланами. Хамоватыми и неотесанными. И пить пиво. Ведь так? И это обычно тянется пол дня! —

Она рассматривала меня с ног до головы, и я понимал, что скрыть от нее все равно ничего не получится! Секретарь в приемной Мельхиора в крупнейшем Исследовательском Центре двадцать третьего столетия прочно жил в этой женщине.

– Да просто гулял. – Ответил я ей. Потом пристроил свой котелок на придверную круглую «котелочную» тумбу, а новенькое кашемировое пальто накинул на крючек вешалки. И направился в сторону кабинета и нашей спальни по совместительству.

– Да просто гулял. – Повторила она, пытаясь изобразить мой капризный тон. – И свой саквояж с банными принадлежностями где-то обронил... в сумраке мира сего! —

Я чувствовал на своей спине ее пристальный взгляд и то, что она, все видит и все понимает.

– Скажи, дорогой, – она приблизилась вплотную ко мне, войдя в смежную комнату вслед за мной, – просто гулял, говоришь? —

– Угу. – Промычал я.

– Тогда почему на тебе не твой фрак? – Спросила меня жена, окинув взглядом с ног до головы. – И совершенно новое пальто? Кажется, кашемировое? —

– Это мой фрак. – Возразил я, краснея и пытаясь не подать виду, что очень напуган.

– Нет, Джаф, это не твой фрак. Потому что твой фрак висит в нашем платяном шкафу. И висит он там с сегодняшнего утра потому, что в баню ты его не надеваешь. *Car dans la robe, seuls les imbeciles marchent!* Или ты забыл куда ушел утром? – Убедительным тоном сказала Ольга, ласково разглаживая атласные лацканы фрака на моей груди. – Во – первых, это и не фрак вовсе, а смокинг. ... Ну-да ладно, пусть... назовем это фраком! И фрак этот... слишком нов, чтобы быть твоим. И сидит он на тебе так, как будто целый месяц лучшие портные Петербурга его под тебя подгоняли. И... О! – Она оглядывала меня со всех сторон, поворачивая, словно манекен. – Наконец-то что-то на тебе прилично сидит! ... И обувь, дорогой, она тоже не твоя. Определенно! И... даже волосы на голове... Они тоже не твои, Джафар! Где твоя седина в висках, родной? Такая... многими любимая, благородная, заставляющая глупых местных баб вздыхать тебе вслед! Где она, Джаф? Где морщинки возле глаз? – Она запустила свои пальчики мне в шевелюру и озорно вьерошила волосы. – И... милый мой, сколько тебе сейчас лет? Мы вообще можем теперь жить как супруги? В этом криминала не будет? – Она внимательно смотрела мне в лицо, осыпая меня этими ужасными вопросами, а я отвернул голову влево.

– Знаешь, кого ты мне сейчас напоминаешь? – Спросила Ольга, вовсе не намереваясь получить от меня ответ. – Ты мне напоминаешь некое сказочное сокровище, которое из старой, всем привычной упаковки переложили в новую, красивую. И теперь это сокровище невозможно узнать, не развернув всей внешней шелухи! —

Она стояла, обхватив меня руками за талию, запустив их под фрак, или смокинг, и пытаясь заглянуть мне в глаза. А я старательно отворачивался. Но ее близость! Я понимал, что не смогу долго сохранять присутствие духа, вдыхая запах любимой женщины. Ее духи, едва уловимые и... ее тепло! Эта очаровывающая магия, с которой просто невозможно бороться. И, да! Вероятно мы с Теодором и впрямь немного переборщили в моем омолаживании! Я чувствовал, как во мне рождается нездоровая активность. Мощно и бесконтрольно. Как в давно забытой юности.

– И какого лешего – продолжала Ольга, – от тебя сегодня не пахнет этим вашим отвратительным плебейским пойлом? —

Я стоял как нашкодивший школяр в кабинете директора, потупив взгляд, уставившись на свою обувь, которая и впрямь, ни капли не соотносилась с этим периодом Истории.

– И почему, Джаф, скажи мне, пожалуйста, по-че-му у тебя эта мужланская, колючая щетина как минимум трехдневной давности? Как такое возможно, когда ты брился сегодня по утру? Тебе не совестно ходить по городу в таком дивном одеянии и с таким ужасным лицом? Джа-аф? —

Она смотрела мне в глаза. И во взгляде ее я прочел легкое беспокойство и... грусть. Как будто она ожидала заранее нечто для себя неприятное услышать. Всего скорее, ложь. Как водится...

– Оля ... – Начал-было я. Но оправдываться почему-то совершенно не хотелось! А лгать сегодня не хотелось совсем. – Оля ... – Я не мог подобрать слова. А она положила свою голову мне на грудь и прошептала.

– О! Ты вспомнил мое имя! —

– Оля! – В очередной раз проямлил я, словно заевшая грампластинка. – Я просто очень... Очень тебя люблю. – Тихо, почти шепотом сказал я ей и почувствовал, как горло моментально сдавил перекрывающий дыхание спазм. Все недавние обиды и переживания, копившиеся этими днями, напряженные дни в пустыне, какие-то звери, верблюды, бандиты, побои, косноязычные иностранцы, Тео с... с его всемогуществом, которого не было у меня, ... все это я зачем-то притащил с собой сюда, в эту комнату. Для того, чтобы прямо вот здесь и задохнуться под тяжестью этого груза! А она? ... Она была как раз тем самым магнитом, который вытягивает из твоего внутреннего естества все самое дурное, самое гадкое, освобождая, очищая тебя «...от всякия скверны». Так действует в людях Любовь. Сейчас я это очень явственно почувствовал. – Родная, ... – прошептал я с мольбой в голосе – обними меня! —

Она взяла мое лицо в ладони и развернула меня к себе. Наши взгляды встретились.

– И я тебя люблю. – Тихо, страстно и очень ласково сказала она. – Ты дома, мой милый, ты дома! —

И тут я зарыдал. Беззвучно. Просто меня начало всего трясти. Так, что сказать я ничего не мог. Я уткнулся лицом ей в плечо и, сотрясаясь всем телом, тихо плакал. Она и впрямь, способна была изымать из моей души всю нечисть, вымывая ее вместе со слезами. А я почувствовал себя маленьким. Мальчишкой, побитым на улице сверстниками, которого просто утешает его мама...

Лишь спустя десять минут, когда я стал способен внятно изъясняться и понимать человеческую речь, я ей поведал о последних моих четырех днях, которые в ее потоке оказались лишь полуторачасовым периодом времени. Конечно, мне пришлось юлить! Я не мог рассказать ей, такой молодой и красивой, о том, какой она будет когда-то, когда навестит меня в Ялте сегодня утром по пути в баню, чтобы снарядить в пески сто девятнадцатого столетия спасать ее людей и мою дочь. Я не мог рассказывать ей ничего о Теодоре, помня его категоричное: «И жене своей о мне ни-гу-гу!» И... О, я многое от нее утаил. Но по крайней мере, это сегодня не стало ложью!

– Джаф, ты многое недоговариваешь! – Сказала она, заглянув мне в глаза. А я лишь кивнул в ответ.

– Да, я должен умолчать о том, что касается будущего. Это... важно! —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.